

clv

В. Дик, В. Бюне

КРУТОЙ ПОВОРОТ

ЖИЗНЬ ВОЛЬФГАНГА ДИКА

clv

Christliche
Literatur-Verbreitung e.V.
Postfach 11 01 35 · 33661 Bielefeld

издание первое 2005

© русского издания 2005 by CLV
Christliche Literatur-Verbreitung
Postfach 110135 • D-33661 Bielefeld
www.clv.de

Редактор: Татьяна Климошенко
Оформление обложки: Сергей Споденюк
Верстка: CLV

ISBN 3-89397-536-5

«Горе тому, у кого нет родины...»
Фридрих Ницше

*Жизненный путь Вольфганга Дика
служит ярким доказательством того,
что для Бога нет безнадежных случаев.
Эта книга написана для тех,
кто, оглядываясь на свое прошлое,
считает, что надеяться больше не на что.*

ОБРЕЧЕН НА СУЩЕСТВОВАНИЕ?

История моей жизни начинается, как и у любого человека: я родился. Как все-таки чудесно родиться! Начать свое существование! Есть люди, которые считают это своего рода проклятием, осуждением: осужден на свободу, обречен на существование. Однако я думаю, это не совсем так, если не останавливаться на вопросах «что» и «кто», но продолжать искать Того, Кто сотворил нас, Кто даровал нам жизнь.

Я родился в Берлине и этому обстоятельству обязан тем даром, каким обладает каждый берлинец. Я очень рад, что берлинец фигурирует даже в Библии. Кажется, Лютер заранее знал, что наступит время, когда берлинцы станут великими и знаменитыми, так что даже президент Кеннеди не постыдился сказать: «Я берлинец».

В Псалме 80, в стихе 11 мы читаем: «...открой уста твои...». Но на этом дело не заканчивается, так как далее сказано: «...и Я наполню их».

Какое различие между моим прошлым и настоящим! Раньше у меня тоже был большой рот, и я всегда был впереди. Но хорошего от меня исходило мало; по крайней мере, ничего угодного Богу, а только много лжи, много мерзости, много споров и ссор.

Сегодня эти же уста удостоены чести проповедовать. Я очень благодарен за то, что мы, как сказал Исаия, люди с нечистыми устами, можем получить чистые уста и чистое сердце и Бог дарует нам право быть христианами и проповедниками.

Итак, моя колыбель стояла в Берлине. Я был внебрачным ребенком, а это, конечно же, немаловажное

обстоятельство моей жизни. Внебрачных детей в Германии сотни тысяч, и тысячи из них населяют наши воспитательные учреждения и тюрьмы. От государственного служащего профессора Кербса я узнал, что пятьдесят процентов обитателей тюрем и исправительных учреждений составляют внебрачные дети.

Этим я не хочу сказать, что внебрачные дети обязательно становятся преступниками. Однако нам, тысячам внебрачных детей, растущих без присмотра отца, без тепла домашнего очага, без постоянного места воспитания характера, недостает того, что потом едва ли восполнимо.

Не хочу я этим и укорять мою мать. Да, в моей жизни было время, когда я думал, что во всем виновата мать, виновато окружение, среда. Сегодня я так не думаю. Бесспорно, что среда обитания всегда влияет на человека. Но что касается меня, то гораздо большее бремя вины лежало на мне самом.

Моя мать работала медсестрой в больнице. Всю свою жизнь она прилежно трудилась и была хорошей, милой женщиной. Принадлежала она и к церкви. Но постоянные пребывания в исправительных учреждениях привели к тому, что я потерял ее. Она не хотела иметь ничего общего с сыном, которого нужно только стыдиться.

После рождения я недолго оставался у своей матери и вскоре по решению социальных органов был передан приемным родителям. Это были старые люди, которые уже имели дело с приемными детьми и понимали, как их нужно воспитывать.

О своем раннем детстве мне нечего рассказать. Помню, как время от времени приходила изящно оде-

тая женщина, которая брала меня на руки,— моя мать.

В то время я творил много глупостей. Не знаю, действительно ли я совершенно отличался от остальных детей. Во всяком случае я, видимо, был труднее, чем другие, иначе меня не упрятали бы в приют.

Однажды я украл велосипед. А так как я не умел на нем ездить, то в страхе, что меня обнаружат, стоял, прижавшись к стене какого-то дома. Было ли это признаком преступных наклонностей? Я опросил тысяч десять молодых людей, кто из них никогда не воровал. Не нашлось ни одного, кроме какого-то шутника. В глазах Божьих воровство остается воровством, и чисто технически каждый склонен к нему. Чуть позже я в последний раз за этот период украл у одной девочки пять марок. На эти деньги я купил паровоз со свистком, коробку с красками и сетку, в которой принес домой свои приобретения. Там меня уже ожидала мать девочки, которая потребовала вернуть деньги.

Я знал, что меня ожидает. Если я плохо вел себя днем, мой приемный отец, приходя вечером домой, давал мне весьма ощутимую взбучку. Свою бритву он точил с помощью ремня, который время от времени использовал для воспитательных целей.

Увидев мать девочки, я убежал и спрятался под своей кроватью. Однако ремень достал меня и здесь. Приемный отец бил меня, а я хватался за него; это была своего рода безответственная игра отношений «ребенок — родители». Не удивительно, что однажды социальный орган подвел черту под этими отношениями, и меня отправили в «зеленый дом» в Берлине.

Я впервые злоупотребил своими руками и ногами, что продолжал делать на протяжении половины своей жизни. То, что мы делаем нашими руками и ногами,

показывает, что мы собой представляем.

Пример тому – Иисус Христос. Он дал пригвоздить Свои руки и ноги ко кресту. И это не случайно, если вспомнить о том, что наши руки и ноги принесли в мир разложение. Наша рука, особенно вытянутый указательный палец, представляет собой примитивную форму каждого пистолета и пушки. Она как бы служит выражением попытки решать проблемы, прибегая к устранению других.

Воспитательный приют, или так называемый «зеленый дом», сразу же мне не понравился. Я часто убежал оттуда. Несколько раз я пытался найти пристанище у своей родной матери, однако снова и снова вынужден был возвращаться на старое место.

Я часто использовал нежелательные для матери посещения с одной целью: обокрасть ее. Когда она оставляла меня одного, я осматривал все шкафы в поисках сигарет. Среди воспитанников приюта они пользовались большим спросом; тот, у кого были сигареты, вызывал уважение, а я очень хотел снискать уважение. В то время мне было девять лет.

Однажды мать сказала мне:

– Послушай, если ты будешь так продолжать, то окажешься в тюрьме.

Но я как будто не слышал ее слов. Чего я только не вытворял! Правда, все это были мелочи. Но я, как и многие другие, не признавал, что все начинается с мелочей. Наши поступки – как снежный ком: сначала они мелкие и довольно безобидные, но, двигаясь вперед, постепенно превращаются в лавину, которая сметает всё на своем пути.

ТРУДНОВОСПИТУЕМЫЙ

Шла война. Начавшиеся бомбежки внесли в мою жизнь некоторые перемены. Во-первых, к нашей радости, у нас стало меньше школьных занятий, так как нам часто приходилось укрываться в бомбоубежищах; во-вторых, из Берлина нас вскоре эвакуировали в Ганновер, в приют святого Стефана.

В Берлине я был крещен; в Ганновере к этому добавились уроки по религии и конфирмация, так что я тоже, можно сказать, был воцерковленным христианином. Тюрьмы и исправительные учреждения полны крещенных язычников. Сколько постыдных дел приписывается христианам только потому, что совершают их люди, только называющие себя христианами; они крещены, но словом и делом отрекаются от Христа! Разве можно закрыть рот болтунам, если церковь считает своими членами тех, чье христианство ограничивается лишь уплатой церковного налога? Это не что иное, как предательство за сребреники!

Начались частые бомбежки Ганновера, поэтому нас опять эвакуировали. На этот раз нас отправили в красивый приют в Алтенау/Оберхарц. Там прошел самый чудесный год моей юности.

Воспитатель в этом «зеленом доме» помог мне справиться с замкнутостью, что впоследствии мне очень пригодилось. Обычно на уроках пения я не мог выдать из себя ни звука. Тогда воспитатель лично занялся мною, и таким образом я научился довольно хорошо петь, что было весьма важно для моей последующей евангелизационной работы. Уже в то время я

преодолел страх петь и выступать перед большой аудиторией.

Обучение в школе было посредственным. После ее окончания у меня в среднем были знания ученика 6-го класса народной школы. Позже мне формально дали документ об окончании школы, так как я производил впечатление смышленного парня.

Жажда знаний пробудилась во мне лет в семнадцать-восемнадцать. В этот период я много учился, но то, что упущено в детстве, наверстать невозможно. Такие знания зачастую поверхностные, разве только человек наделен особыми способностями, чего у меня не было.

Религию нам преподавала очень милая женщина. У нее был лишь один недостаток: она была слишком толстой, что делало ее мишенью для наших насмешек. Мы портили ей жизнь, как только могли. Например, задавали ей множество вопросов, не зная, что один глупец может задать больше вопросов, чем десять мудрецов ответить на них. Больше всех усердствовали двое, и один из них – я.

Поскольку в руках у нас было больше, чем в голове, наша учительница – мы называли ее «слоненком» – соединяла неизбежное с полезным и посылала нас обоих к дровосекам в лес, чему мы были очень рады: там мы чувствовали себя мужчинами. К сожалению, о Боге мы узнавали мало; да и в природе мы мало видели силу Творца, во всяком случае не связывали ее с Ним.

Когда мое поведение стало невыносимым, меня решили отправить в учреждение для трудновоспитуемых в Моор – заведение, которое и сегодня вызывает страх у правонарушителей.

Насколько я помню, в Алтенау среди преподавате-

лей у нас была лишь одна женщина. Фрау Дризен была очень старательной и действительно заботящейся о нас учительницей.

Вообще я вел себя очень разнузданно и дерзко. Мы буквально прыгали вокруг нашей учительницы. Однажды мы начали прыгать в проходе, затем в классе через парты, а учительница преследовала нас, вооружившись маленькой палкой, и требовала порядка. Дело кончилось тем, что мы выскочили в окно. Руководство приюта не могло дольше терпеть такое, и меня отправили в Моорбург.

Там содержали уже взрослых молодых людей, у которых были судимости. Их использовали на тяжелых работах при добыче торфа. Тяжелая работа и последующие одно за другим наказания, к сожалению, не оказали на меня должного воздействия. Мне не хочется вдаваться в подробности, описывая все пережитое; скажу только, что там меня много раз били.

Мог ли я предположить, что спустя двадцать лет добровольно приеду в то же самое учреждение, чтобы проповедовать и рассказывать молодежи об Иисусе и о моем глупом безбожном поведении?

Как чуден наш Бог! Его Слово, которое я когда-то отверг, вновь привело меня к Нему. Оно сделало меня не только человеком и христианином, но и проповедником, который смог проповедовать в тех приютах, где раньше причинял столько трудностей своим воспитателям.

Но в то время я еще находился в полной тьме. Правда, мне доводилось слышать проповеди, даже, вероятно, хорошие проповеди, но они не оказывали на меня никакого влияния. Все, что входило в одно ухо, тут же выходило в другое.

Спустя некоторое время я возвратился в Кронсберг, а затем пристроился к одному крестьянину в Дебензене под Ганновером. О том времени у меня осталась памятка – шрам от укуса лошади, а также некоторые познания в дойке, уборке сена и свеклы и чистке сараев.

В 1945 году мне представилась возможность обучиться профессии. Мне показали длинный список всевозможных профессий, и я выбрал первую попавшуюся. Так я стал шорником и укладчиком линолеума в Розинге, недалеко от Ганновера.

ПОСЛЕВОЕННЫЙ БЕСПРЕДЕЛ

Это было беспокойное время. В последние дни перед окончанием войны в магазинах ничего не было. Повсюду царил полнейшая неразбериха. Немцы гнали пленных через нашу деревню, и те сотнями ночевали в нашем сарае. Будто сегодня вижу, как один русский копается в мусорном контейнере в поисках хоть чего-либо съестного.

Когда вечером я зашел в сарай, чтобы дать соломы нашим двум коровам, я сунул одному русскому свой бутерброд. В то время я не мог предположить, что скоро сам буду схвачен русскими и мне придется терпеть такой же голод.

В ночь перед наступлением американцев немцы погнали пленных дальше, и таким образом мы избежали большой опасности. Думаю, если бы все они остались в деревне, то произошла бы ужасная кровавая бойня.

Многие немецкие солдаты бросали свое оружие и прятали в сарае ценные вещи. Для меня это, конечно, было находкой.

После падения Германии наша окрестность оказалась в руках поляков. Их солдаты воровали все, что можно было украсть, особенно велосипеды. Как-то мне предстояло поехать в селение, находящееся от нас на некотором расстоянии, чтобы сделать кое-что для моего хозяина. Дорога туда вела через расположение поляков. Так как у моего хозяина была одна нога, он пользовался специальным велосипедом. Я решил ехать на этом велосипеде, полагая, что поляков такой транспорт вряд ли заинтересует.

Набравшись храбрости и вооружившись резиновой дубинкой, спрятанной в сапог, я отправился в путь. Когда я проезжал мимо расположения поляков, они заметили меня и потребовали отдать им велосипед. Я вытащил свою резиновую дубинку, но, прежде чем смог размахнуться ею, поляки набросились на меня, разоружили и хорошенько отколотили.

Весь в синяках и царапинах, я вернулся к хозяину. Он не стал много говорить, так как предвидел это и предупреждал меня о последствиях.

В те дни многое «организовывалось»; позже такие действия снова стали называть воровством. Но тогда все что-то организовывали, и лишь немногие могли противостоять этому искушению. Что касается меня, я даже находил в этом удовольствие. Некоторые из авторитетных организаторов становились обыкновенными ворами, из защитников отечества – убийцами. Все законы попирались, вседозволенность стала нормой жизни.

Я не могу оправдываться, ссылаясь на наследственные факторы или неблагоприятную среду. Факты преступности среди добропорядочных граждан, выросших в благополучных семьях, опровергают теорию влияния среды.

Однажды я пробрался к американцам и нашел их вещевые мешки, где они хранили свои «сувениры» и другие ценные вещи. Перебрав их содержимое, я выбросил в солому все, что мне не понравилось. Себе я взял шоколад, жевательную резинку и сигареты. Я проделывал это несколько раз, и все шло хорошо, пока американцы меня не поймали. В отместку они выбрили мне лысину на голове и отпустили. После такого позора я не осмелился возвратиться в свою деревню и, ни с кем не попрощавшись, убежал куда глаза глядят.

В Ганновере я тоже что-то украл, был пойман, но отделался благополучно. Затем недалеко от Брауншвайга я устроился в одну строительную фирму. За усердие в работе шеф похвалил меня и дополнительно к зарплате дал карточки на курево. С этими карточками я поехал на главный вокзал Брауншвайга – близлежащий черный рынок. Там еще все было в развалинах, но собиралось множество людей. Это место служило перевалочной базой с востока на запад. Тот, у кого были деньги, мог купить все. Мои карточки были ходовым товаром, и я их продал.

Однако вскоре деньги кончились, и я снова стал искать возможность, где бы их приобрести без особых трудов. С одним сообщником мы стали воровать с близлежащей фабрики мешки с крупой. Это продолжалось недолго: нас поймали.

Всё, в том числе и наказание, начинается с малого. В немецком уголовном праве приговор в большей мере зависит не от степени причиненного вреда, а от количества совершенных преступлений. За мелкую кражу можно получить большой срок, если тебя ловят уже не первый раз. Так что, можно сказать, в том случае я легко отделался.

Перед тем, как я должен был освободиться, из Восточного Берлина приехала моя мать, чтобы встретить своего единственного сына. Она хотела, чтобы из меня что-то получилось, и взяла меня к себе. Я должен был да и хотел учиться и вскоре нашел место ученика на фирме «Ланге и К°», где из корпусов гранат изготовляли по заказу Советского Союза прессы для отжима масла. Здесь работал один паренек, который жил рядом с нами. Моя мать не хотела иметь с этой семьей ничего общего. Но Гельмут, как и я, тоже воспитывался в приюте, и мы с полуслова понимали друг друга.

Однажды Гельмут пригласил меня на дело. Во время монтажных работ в расположенной неподалеку русской комендатуре он заглянул в квартиры русских офицеров и увидел, что там есть. Он предложил мне пойти с ним и обворовать их. Сказано – сделано. У меня не было ни страха, ни угрызений совести, ни мыслей о матери. Я потому подчеркиваю это, что здесь ясно вырисовывается, каким мертвым во грехах был мой ветхий человек. Мне было чуждо чувство долга; в заботе матери обо мне я видел лишь надоедливое опекуничество. В то время я не находил причины для благодарности ей.

Итак, среди белого дня мы отправились на это дело. Напротив комендатуры патрулировал русский солдат, вооруженный автоматом. Мы вели себя свободно, делая вид, что живем в этом доме. Не оглядываясь, мы зашли в дом и сразу же поднялись на четвертый этаж. Мой сообщник знал, что в это время в квартире никого нет. Он открыл дверь: в конце концов, он был слесарем и понимал толк в этом ремесле.

Мы взяли чемоданы русских и набили их всевозможными вещами, такими как кожаные пальто, часы, сигареты и т.п. Набралось два полных чемодана. Затем мы вышли из квартиры и стали спускаться. Все шло хорошо, как вдруг внизу раздались громкие шаги. Назад идти некуда, значит, только вперед, вниз!

Нам не повезло, так как навстречу поднимались именно владельцы чемоданов. Русские, должно быть, очень удивились, увидев в наших руках свои чемоданы. Они схватили нас, и мы были вынуждены отнести всё наверх. Моему сообщнику пришлось показать, каким образом он открыл дверь, а затем он получил возмездие за свое умение. Они измолотили его по всем

правилам искусства. Затем один из них взял его и подвел к окну. Гельмут кричал и «мама», и «папа» да так, как я еще никогда не слышал. Затем они отвели нас в подвал ГПУ.

До сих пор я отделялся сравнительно легко, но там и я получил свою долю побоев. В ГПУ мы оставались по меньшей мере две недели. Вместе с нами находились русские солдаты, которые тоже в чем-то провинились. Мы мыли полы и выполняли прочие мелкие работы. Я наткнулся на бумагу, которой русские накрывали столы. Мы раздобыли также огрызок карандаша и написали записку родным, надеясь с кем-нибудь передать ее. Но вокруг были одни русские.

Проходили дни за днями, а наши родители не получали от нас никаких известий.

Однажды поставщик угля начал высыпать свой груз прямо перед нашим окном. Это был шанс для нас. Теперь или никогда! Мы бросили записку и наблюдали, как этот человек взял и спрятал ее. Вскоре пришли наши матери и потребовали свидания со своими сыновьями. В течение целого дня им упорно отказывали; но затем начальник сжалился над ними, и нам дали свидание.

Матерям сказали, чтобы они принесли нам одеяла, постельное белье и туалетные принадлежности. Полагая, что нас отправляют в Сибирь, матери плакали и кричали от отчаяния. Начальник, сам родом оттуда, принес фотокарточки, желая утешить наших матерей. Он говорил, что Сибирь – прекрасный край и там не так уж плохо.

Советский военный суд приговорил каждого из нас к одному году заключения в концлагере Заксенхаузена. Но прежде, чем нас туда отправили, я впервые в жизни

испытал, что значит быть христианином. Некоторые охранники находили удовольствие в том, чтобы каждый день пугать нас. Кое-кто пользовался возможностью отомстить нам, немцам. Связка ключей на длинной бечевке, раскрученная изо всех сил и затем ударяющая по пояснице – мало удовольствия. Когда открывалась дверь, мы начинали дрожать.

Однажды пришел монгол. Эти люди с застывшей улыбкой, узкими глазами и дерзким выражением лица нагоняли особый страх. Но этот человек показал нам распятие, которое носил под одеждой, и на ломаном немецком языке сказал: «Я христианин, я христианин!» В то время я не понимал, что это означает, но сразу почувствовал: этот человек нас бить не будет!

КОНЦЛАГЕРЬ В ЗАКЗЕНХАУЗЕНЕ

В один из холодных зимних дней перед нами открылись ворота концлагеря в Закзенхаузене. В передних бараках содержались так называемые политические, а в дальних – уголовные заключенные. В этих бараках мы, как селедки, лежали на деревянных нарах без матрацев и без соломы.

Первое, что мы увидели, – это распухшие трупы. Тех из нас, кто мог говорить по-русски, использовали для охраны отдельных бараков. За это охранники получали чуть больше еды: ломоть ячменного хлеба, немного сахара и джема. Но эта добавка была за счет уменьшения порций других заключенных. Питание было настолько скудным, что многие умирали от голода. Помню, как однажды утром обнаружил, что мой сосед, бывший мясник, лежит рядом мертвый: он умер от заворота кишок.

Лагерь был переполнен; я слышал, что число заключенных – тридцать две тысячи. Нас мучили слухи и страхи. У многих срок заключения составлял 10, а то и 25 лет. Причины были абсурдными. Сенаторы Грель и Муленбринк, замешанные в картофельной спекуляции, получили по одному году каждый. А адвокат и один еврей, проходящие по тому же делу, получили по пять лет. Другие получили по году только за украденное ведерко варенья. Здесь находились и некоторые нацисты, правда, таких было немного. Адреса кое-кого из этих людей я зашил в свой ботинок и позже вынес на свободу.

С самого начала я был зачислен в охрану, то есть в число привилегированных людей, что давало шанс

на выживание. Благодаря воспитанию в приюте я был хорошо подготовлен к такой должности.

Один из заключенных нашего барака, несмотря на все обыски, сумел сохранить несколько листов Нового Завета. Это был пастор. Не знаю, почему он оказался среди нас. Но я и сегодня помню, как вокруг него собирались люди. В то время я не вполне понимал, что, собственно, там происходило, но сегодня знаю, какое утешение исходило от Слова Божьего в той юдоли страдания.

Вскоре всех так называемых «краткосрочников» отделили от остальных заключенных. Сразу же поползли всевозможные слухи, и хотя никто не знал ничего определенного, некоторые уже праздновали освобождение. Я тоже относился к числу «краткосрочников», у которых был срок от года до пяти лет. Но вместо освобождения нас просто перевели в другой барак, где обосновались сотни таких, как мы.

Старшими в нашем бараке были югославы. То, что пришлось пережить в этом бараке, я запомнил на всю жизнь. Здесь человека узнаешь так, как не узнаешь ни из одной книги. Один парень из числа охраны, который спал над нами, рассказал мне кое-что о том, что вытворяло лагерное начальство. Справедливости искать было негде. Да и как можно было говорить с комендантом лагеря, если не знаешь русского языка? К тому же все они были заодно.

Один молодой югослав, фанатично ненавидевший немцев, начал заниматься запрещенным промыслом. Он выменивал у заключенных на табак сапоги, кожаные куртки, золотые зубы и тому подобные вещи. К тому же этот молодой человек испытывал дьявольскую радость, муштруя молодых и старых, ослабев-

ших от голода узников, если они недостаточно быстро выходили на проверку.

Узнав многое о жестокости этого человека, я решил жаловаться коменданту. Но мне не повезло. Человек, рассказавший мне о его проделках, был наблюдателем, специально приставленным ко мне руководством барака. Они узнали о моем намерении и вызвали меня в прачечную. Когда я шел туда, на меня напали и стали избивать. В конце концов меня бросили в бассейн с водой; шваброй, в которой был гвоздь, кто-то ударил меня по голове. В отчаянии я выбрался из бассейна и бросился к окну, чтобы позвать на помощь. Окно находилось напротив сторожевой вышки. Однако там стоял глухой солдат, который к тому же сам нередко участвовал в их проделках. Тогда старший по бараку, держась за оконный карниз, стал со злостью топтаться по моему телу.

Затем они привели парня, который спал надо мной, подозревая, что он что-то рассказал о них, и стали избивать его. И снова мне пришлось слышать беспомощные крики жертвы. Перед проверкой меня вернули в барак.

Однажды я услышал: «Дик, к коменданту!» Мои раны уже почти зажили, когда кому-то удалось обратиться к русскому коменданту и рассказать ему обо мне.

Руководство барака перепугалось. Молодой югослав оказался настолько глупым, что стал готовиться к возможному аресту в моем присутствии. Лагерное богатство, табак, он спрятал в портянку и, ухмыляясь, снова надел сапог.

Я пошел в комендатуру и в присутствии переводчика рассказал всё, что знал. Сразу же вызвали югослава.

Этого молодого, сильного, но легкомысленного парня русские любили за то, что он вместе с партизанами сражался против немцев. Он начал плакать и, играя на ненависти русских к немцам, жестикулируя руками и ногами, начал доказывать коменданту свою невиновность. Затем его вывели, и он с торжествующей улыбкой прошел мимо меня. К большому сожалению, я не понимал по-русски и потому не знал, что он наврал.

Тогда я выложил последний козырь: если человек считает себя невиновным, разве он будет готовиться к длительному аресту? Через переводчика я обратился к коменданту с просьбой, чтобы он приказал югославу снять правый сапог, и тогда он увидит, кто из нас говорит правду. Комендант сразу же бросился вслед за югославом и приказал ему снять сапог. Увидев такое количество табака, он убедился в его виновности. Югослава сразу же заменили, и мы облегченно вздохнули.

Вскоре после этих драматических событий Гельмут и я были освобождены, так как наш срок заключения закончился. С согласия матери я отправился на запад и прибыл в лагерь в Мюнстере. Там меня допросили. Я рассказал свою историю и попросил разрешения обосноваться в Гамбурге.

БОЛЬШАЯ СВОБОДА ОКАНЧИВАЕТСЯ РАБСТВОМ

Мне предоставили выбор: идти в сельское хозяйство или на стройку. Я выбрал сельское хозяйство, так как там было лучшее обеспечение продуктами, и прибыл в Алтенвердер к молодому крестьянину Отто Хармсу. Там меня приняли, как сына. Моего нового хозяина раньше времени признали совершеннолетним, так как его отец погиб на фронте. Хозяйство вели тетя и бабушка.

Поначалу работа доставляла мне большую радость, но через полгода я уже не мог ее выносить. Самые убедительные доводы не могли удержать меня в деревне. Тетя была милой женщиной и связалась с моей матерью. Со слезами на глазах ехала она со мной через Эльбу, всё надеясь удержать меня. Но нет, я мчался навстречу своему несчастью. Меня, как магнитом, влек Гамбург и «большая свобода», которая для большинства оканчивается только большим рабством.

Я попытался жить по-своему, за счет других людей. Это предполагало и азартные игры. Однажды я проиграл 900 марок – для меня большие деньги. Так как у меня не на что было поесть, я был вынужден искать другой источник дохода и очень скоро оказался в руках мошенников, которые сразу почувствовали новичка.

Я специализировался на кражах с автозаправочных станций, но вскоре один ловкий владелец заправки поймал меня на месте преступления. Для меня, воспитанника приюта, очередное наказание не было траге-

дией. В этом исправительном учреждении я обучился портняжному ремеслу и стал шить вполне сносные брюки.

После освобождения меня снова поймали во время кражи на автозаправке. Несмотря на все попытки адвоката, которая трогательным образом защищала меня и доказывала мои права, я был осужден на три с половиной года тюрьмы. Все доводы адвоката разбивались о факты.

После вынесения приговора меня отправили в гуманное исправительное учреждение в Ноенгамме. Однако вскоре я был доставлен в каторжную тюрьму Гамбурга, так как кто-то донес, что я готовлюсь к побегу.

Это обстоятельство особо не повлияло на мою жизнь, я не заметил большой разницы. Более того, часто я замечал, что так называемые каторжники ведут себя намного порядочнее, чем обыкновенные заключенные. Меня определили работать наборщиком в типографии. Это была в высшей степени интересная работа. Насколько я могу судить, она соответствовала моему развитию в то время. По крайней мере, мастер был доволен мною. Во мне зрело решение изучить эту профессию. Начальник учреждения тоже поддерживал меня, но все получилось иначе. Согласно договоренности между соответствующими учреждениями в Гамбурге, Бремене и Киле, все каторжники должны остаться в Гамбурге, а остальные заключенные были распределены между другими исправительными учреждениями. Мы, конечно, восприняли это как своего рода депортацию, тем более что тюрьма в Бремене пользовалась плохой репутацией.

Когда мне сказали, чтобы я собирался с вещами,

так как меня переводят в Бремен, я возмутился и пожаловался начальнику, ссылаясь на то, что учреждение, куда переводят меня, предназначено не для таких, как я, и что я хотел обучиться здесь профессии. Начальник пытался утихомирить меня, объясняя, что он ничего сделать не может.

– Успокойся, дело обстоит не так плохо, как ты себе представляешь, – говорил он.

Я не верил ни одному его слову. Для нас представители начальства всегда были врагами, и в гневе я начал всё крушить в моей камере. Что же я получил в итоге? Изменилось ли что-нибудь? Во всяком случае лучше мне не стало. Единственное, что я получил, – это счет за поломанные вещи и ночь в карцере. Тот, кто хочет пробить стену головой, в конечном итоге набивает себе шишки. Но это познается на практике!

На следующее утро я проснулся в веселом настроении. Такая разрядка снимает внутреннее напряжение. Как известно, такое случалось и с канцлером Бисмарком, который порою разбивал вазу о стену, после чего, успокоенный, мог продолжать свою работу.

Никто не знал, что еще может случиться в этот день, и меньше всех я, примирившийся с мыслью о переезде. По природе я сангвиник, то есть отношусь к разряду людей, которые быстро вспыхивают, но так же быстро успокаиваются и снова становятся вполне нормальными людьми, способными радостно идти своим путем.

Служащие тюрьмы также были рады перемене моего поведения. Я переоделся в гражданскую одежду и в хорошем расположении духа был готов к отправке в Бремен. «Почему бы не сразу так?» – любезно спросил меня один из служащих тюрьмы, и я в числе послед-

них забрался в переполненный вагон.

Вагон был наполнен молодыми людьми с большими сроками; некоторые уже устраивали побег или, как я, подозревались в желании совершить его. Кто-то из них хорошо знал перегон от Гамбурга до Бремена и уже строил план побега. Меня тоже осторожно посветили в этот план. «На таком-то километре поезд останавливается; здесь обычно из вагона выносят полное туалетное ведро. Дверь приоткроется, мы изнутри навалимся на нее (там будет всего один охранник), откроем и все вывалимся из вагона. Участвуешь с нами?»

Полный негодования против такой депортации, я согласился. Среди заключенных нашелся только один нежелающий участвовать в этом деле; он всё фиксировал в своей памяти, чтобы потом быть свидетелем против нас. Мы все знали это, но не могли заставить его принять участие в побеге, хоть заключенные и угрожали ему; он также не мог отговорить нас от этого шага.

Подъехав к намеченному нами месту, поезд, как обычно, остановился. Охранник осторожно приоткрыл дверь, чтобы взять из наших рук ведро. Я толкнул впереди стоящего заключенного, боксера из Кенигсберга, и дверь открылась. «На помощь! Они хотят сбежать!» – закричал перепуганный охранник своим коллегам. Но вместо того, чтобы освободить своего товарища, те стали закрывать дверь вагона. Оказавшийся среди нас охранник опасался за свою жизнь, хотя никто не хотел отнимать ее у него.

После короткой рукопашной схватки куртка охранника распахнулась, и я увидел у него на боку португепю. «Пистолет!» – пронеслось у меня в голове. Это не было запланировано. В следующий

момент пистолет оказался в моих руках. Между тем охранника отпустили, и он в бешенстве распахнул дверь и выпрыгнул из вагона. Некоторые заключенные выпрыгнули за ним. Два других охранника бросились в канаву. У них тоже было оружие. Итак, оружие против оружия; трое охранников и полный вагон опасных преступников.

Однако ничего не случилось. Я передал пистолет дальше, и он пошел по кругу. Никто не хотел удерживать его у себя. Поняв, что дело принимает серьезный оборот, все мы желали только одного – спрятаться. В гневе я еще раньше разбил стекло в окне вагона. Зачинщик всей этой заварухи взял пистолет и протянул его охранникам.

Когда пистолет снова оказался у охранников, они взяли инициативу в свои руки. Они потребовали, чтобы мы зашли в вагон. Зашли все, кроме меня. Мне всё стало безразлично. Охранники пригрозили, что будут стрелять, если я не зайду в вагон. Действительно, через несколько секунд пуля, пролетев над моей головой, пробила стенку вагона. Я зашел в вагон. Дверь закрылась, засов задвинулся. Мятеж был подавлен.

Подъехала полицейская машина, но к тому времени всё кончилось. В Бремене нас уже ожидали. Охранники стояли наготове. Все, кроме Дика и Рихтера, кенигсбергского боксера, должны были покинуть вагон. Затем вывели боксера. Я только услышал крик, и все смолкло. Позже я узнал, что когда Рихтера хотели поколотить, он сломал одному охраннику челюсть и разбил очки, после чего его жестоко избили. Позднее тюремный врач рассказал мне, что даже во времена нацистов не видел, чтобы человек был так избит, как Рихтер.

Затем вывели из вагона меня, и я услышал: «Беги! Беги!» Бежать нужно было сквозь строй вооруженных резиновыми дубинками охранников, причем каждый из них старался ударить насколько можно сильнее. В конце ряда виднелась открытая дверь в камеру. Я бежал так быстро, как только мог, и вбежал в камеру. За мной последовали трое охранников. «Если хотите, можете убить меня!» – вызывающе сказал я им. Мне всё было безразлично. Они и здесь били меня, после чего обследовали, не ранен ли я. Но, к моему счастью, и на этот раз все обошлось.

САМЫЙ ДОРОГОЙ КОСТЮМ В МИРЕ

Через несколько недель ожидания нас привезли в Гамбург. Там мы находились в одиночных камерах, ненавидимые всеми надзирателями за то, что сделали с их коллегами. Каждый из нас получил по три года каторжной тюрьмы. Процесс вел председатель земельного суда д-р Валентин. Когда был произнесен приговор, он вошел в помещение, где находились обвиняемые, приветствовал моего адвоката и протянул руку мне. Пожимая мне руку, этот человек как бы хотел сказать: на основании закона я вынужден строго осудить тебя, но чисто по-человечески мне тебя жаль.

Теперь впереди меня ожидало шесть с половиной лет лишения свободы. В общей сложности я провел за решеткой одиннадцать лет. Я носил самый дорогой костюм в мире – голубую униформу, за которую заплатил своей свободой, честью, одиннадцатью годами своей молодой жизни. Чего же я достиг? Я всё испортил. Я был ограничен пространством в несколько квадратных метров и зарабатывал несколько пфеннигов в день. Свобода – высшая ценность, а я на шесть с половиной лет потерял ее.

Так как по закону я прежде должен был отбыть более тяжкое наказание, меня поместили в каторжную тюрьму. Здесь я, согласно своему желанию, мог работать в типографии и освоил профессию переплетчика. Кроме того, я плел сетки, клеил пакеты и выполнял другую нудную работу. В свободное время я много читал. Я глотал всевозможную философскую литературу и был поглощен самыми возвышенными мысля-

ми, когда-либо имеющими место в нашей стране. Я продолжил изучение немецкого языка, начал сочинять стихи и играть в шахматы.

В этой тюрьме многие надзиратели вели себя вполне по-человечески, что действовало благотворно и на нас. Они оказывали на нас большое позитивное влияние. Во всяком случае я не забыл ни одного доброго слова. Хотя я и не исправлялся, все же ни одно доброе дело не было напрасным. Мне особенно запомнился один надзиратель. Лишь после освобождения я узнал, что он был баптистом. Он никогда не говорил о своей вере, но его лицо было таким сияющим, его неизменно дружеское отношение даже к отъявленным негодьям действовало так благотворно, что заключенные отказывались от своих выходов, если знали, что дежурит этот человек.

Также я многим обязан Гансу А. де Боеру, тогдашнему секретарю Христианского союза молодых людей в Гамбурге. Он посещал меня и писал мне даже тогда, когда от меня отказалась мать. Она так стыдилась собственного сына, что ничего не стала сообщать о моем местонахождении даже моим теткам. Ганс А. де Боер и тогда не отвернулся от меня. Снова и снова он писал мне. В тот период он много путешествовал по всему миру, что впоследствии изложил в ставшей известной книге «Путевые заметки». Он был правой рукой Мартина Нимёллера, сидел за столом с высокими вождями церкви, но не забывал маленького каторжанина и снова и снова слал ему ободряющие открытки.

Друзья мои, поддерживайте в таких, как мы, надежду и не смотрите на кажущуюся бесплодность ваших усилий! Не надо постоянно напоминать людям об их прошлом, они и сами знают его. Человек, который уже

ничего не ждет, которому о прошлом напоминают толстые тома его дела, становится анархически настроенным элементом общества.

Этот мир и отдельные его представители нуждаются в надежде. А христиане – единственные люди, ожидающие того, чего еще никогда не бывало. Предмет их надежды – грядущий Господь. Ожидаемое нами будущее – это своего рода мотор, движущий нас, сила, которой мы живем.

Господа психиатры и психологи, анализирующие жизнь и способные вызвать в сознании забытое прошлое! Вы можете помочь человеку сделать сносным и приемлемым его настоящее. Вы многое сказали, но не сказали одного: «Прощаются тебе грехи твои». С этими словами к грешнику устами христиан обращается Бог через Иисуса Христа и во имя Его; Он устраняет прошлое и начинает будущее в настоящем, наполненном благодаря Ему глубоким смыслом. Согласно прогнозам психологов, я (и общество от меня) не могу ожидать ничего другого, как только того, что уже есть: преступная энергия несокрушима и скоро снова проявится. Это всё, что эти господа ученые могут сказать. Но сегодня мой опыт свидетельствует о другом: Бог говорит, и Он здесь! Он Тот, Кто посредством Своего творческого Слова из ничего сотворил весь видимый мир. И только Он может обновить и наполнить высоким смыслом ничтожную, пустую жизнь.

Но тогда до этого было еще далеко. Я еще не был знаком с Армией спасения, которая впоследствии оказала мне большую помощь. Я никогда не встречался с ее представителями, а ведь я прожил уже 22 года!

Дорогая Армия спасения! Ты так усердна, ты так много потрудилась. Но я хочу просить тебя во имя

Иисуса: будь еще усерднее, трудись еще больше! Хотя на сегодняшний день ты трудишься в более чем семидесяти странах, многие люди в Германии не знают о твоём существовании, не говоря уже о существовании Того, Кто призвал тебя к служению в этом темном мире пороков, преступлений и безбожия, мире войн и военных кризисов. Пусть твой воинственный клич звучит на всех фронтах: беспощадная война против греха, соединенная с великой, всепобеждающей любовью к грешникам!

Впервые я познакомился с Армией спасения в каторжной тюрьме Фюльсбюттеля. Многие из нас шли в церковь просто от скуки, желая хоть какого-то разнообразия. Другие шли туда обмениваться книгами или встретиться со своими старыми друзьями. И лишь немногие приходили, чтобы послушать Слово Божье. Конечно, большинство часто посещало эти собрания и для того, чтобы лишний раз взглянуть на девичьи ножки. Но в любом случае мы сидели там, слушали и порой даже были тронуты услышанным. Конечно, мы не подавали виду, так как насмешки заключенных едки, как соляная кислота.

К сожалению, в то время я не стал верующим. Однако те радостные собрания, которые устраивала Армия спасения, с их музыкой, пением, свидетельством и проповедью, были для меня самыми ободряющими часами в тюремной рутине. Именно там было заложено основание моего глубокого уважения к этим мужчинам и женщинам и к тому, что мы от них получали.

В то время мне приходилось слушать много проповедей, но я их как будто не слышал. Правда, одна проповедь пастора, инвалида войны, произвела на меня впечатление. Чувствовалось, что он пережил то,

о чем говорит. Конечно, повседневная реальность каторжника противоречила тому, что я услышал, но во мне пробудилась какая-то тоска. Возвратившись в камеру, я сформулировал первую в своей жизни молитву. Меня охватило страстное желание верить и начать свою жизнь заново. Мне хотелось снова стать ребенком – человеком, у которого есть будущее без тяготеющего над ним прошлого.

Я написал молитву на обложке Библии, подаренной мне одним старым братом в надежде, что я буду ее читать. К сожалению, я никогда этого не делал. Эта Библия есть у меня и сегодня. Там записана эта молитва, как и всё, что я за недостатком бумаги записывал на полях. Эта молитва от первого до последнего слова была услышана.

Молитва

Господь, сомненьями томим,
Иду к Тебе с мольбою,
Тебя о близости Твоей
Прошу я всей душою.

Даруй живой мне веры свет,
Чтоб я во свете этом
Увидеть мог зари рассвет
И тьму рассеять светом.

Господь, не дай увлечься мне
Пустой и хитрой ложью.
В людских ученьях жизни нет,
Они сомненья множат.

Во время смутное, Господь,
Даруй Тебя держаться,
Перед Тобой, смиряя плоть,
Всем сердцем преклоняться.

Даруй мне мужества, и сил,
И веры утешенье,
Чтоб жизни вал не сокрушил
Мое к Тебе стремленье.

ТВОРЕНИЕ БЕЗ ТВОРЦА ОБРЕЧЕНО

Но за всем этим последовали долгие и трудные годы. В Бремене по вполне понятным причинам ко мне относились особенно строго. Того, что я хотел иметь, мне приходилось добиваться с большим трудом. К таким предметам относился и препарат глутамина. Я выполнял работу для рекламной фирмы и получил из Ганновера сто марок. За половину этих денег мой адвокат должна была прислать мне рождественскую посылку. Она получила от меня соответствующую записку, где был отмечен и этот препарат, необходимый для питания головного мозга. Мне разрешили получить эту посылку, но лекарство было оттуда изъято. Администрация тюрьмы опасалась, что я хочу таким образом отравить себя. Лишь с помощью врача д-ра Г. Виске, который подтвердил, что это лекарство безопасно, я смог получить питание для мозга.

Когда годы спустя мне пришлось проповедовать в общине Бремена, я встретил там этого врача. Позже он со своей супругой даже посетил нас. Бывший тюремный врач и бывший заключенный, объединенные общей верой в Иисуса Христа, соединились в совместном поклонении Господу.

Незадолго перед освобождением я впал в глубокую депрессию. Возможно, сказывалось длительное влияние философии Шопенгауэра, которая толкала меня на самоубийство. Каждый день перед моими глазами находилось изречение Зохели, приколотое к моему шкафу рядом с портретом Шопенгауэра:

Коль миром ты, о смертный, не владеешь,
Не будь печальным – это всё ничто.
И если даже миром овладеешь,
Не радуйся тому, ведь всё ничто.
Проходит горе, радости проходят...
Иди спокойно мимо – всё ничто.

Мысли обладают властью, и слова соединены с духом. В течение долгих лет занимаясь философией отрицания и осознавая бессмысленность своего существования, я пришел к тому, что однажды достал лезвие бритвы и в полночь перерезал себе вены.

Здесь я должен вполне однозначно сказать: того, кто намерен покончить с собой, никто не может удержать от этого шага. Мы обладаем ужасной свободой – отобрать у себя жизнь, уничтожить себя, выбросить себя из жизни. Один профессиональный шпион, история которого в свое время обошла мировую печать, несмотря на постоянный строгий контроль, после шести тщетных попыток самоубийства на седьмой раз совершил его. Шопенгауэр сообщает об одном негре, который, не видя никакой другой возможности, покончил с собой, остановив дыхание.

Того, кто хочет убить себя, ничто не удержит. Даже Бог не удерживает его. Сегодня меня не было бы живых, если бы я тогда глубже и основательнее перерезал себе вены. Надзиратель обнаружил меня во время ночного обхода. Вернее, не меня, а мою кровь, разлившуюся посреди камеры. Чтобы не быть замеченным, я лег в угол камеры, а на кровать положил одеяло, свернутое таким образом, чтобы создалось впечатление, что под ним лежит человек. Когда надзиратель поднял тревогу, я был уже без сознания. Врач, дежуривший в ту ночь,

сделал мне быстродействующий сердечный укол, и я пришел в себя.

Меня сразу же раздели и со связанными за спиной руками отвели в подвал. Так меня спасали от самого себя. Я был в состоянии полной апатии и позволял делать со мной все, что угодно. Вскоре после этого меня перевели в тюремную больницу, где под наблюдением молодого, очень симпатичного психиатра я отказался от мыслей о самоубийстве.

В этой больнице я впервые прочитал христианскую книгу Пауля Шутца: «Почему я все еще христианин?» Ответ на этот вопрос до сих пор остался в моей памяти: «Я все еще христианин потому, что при встрече с людьми снова и снова вижу лик Иисуса».

Приближался день моего освобождения. Так как я находился в больнице, администрация тюрьмы практически была лишена возможности предварительно позаботиться о последующей для меня работе и жилье; к тому же день освобождения приходился как раз на воскресенье. Однако, оглядываясь назад, я должен сказать, что счастливее дня и быть не может.

В то воскресенье в тюрьме снова проповедовал пастор Донитц. Уходя домой, он проходил мимо дверей отделения освобождаемых и на двери увидел мое имя. Он зашел в мою камеру и, как обычно, спросил о самочувствии. Затем он пожелал мне Божьего благословения и ушел. Я подумал: «Ты можешь засунуть Божье благословение в свою шляпу; что мне с него?» Лишь намного позже я узнал, что в Божьем благословении кроется всё.

Через несколько минут ко мне в камеру зашел посланный пастором дьякон Радцкувайт.

– Вы освобождаетесь?

– Да.

– Куда вы хотите отправиться?

– Этого я не знаю.

– Не хотите ли поселиться в социаллагере на улице Килер?

Услышав слово «социал», я с негодованием накрылся одеялом.

– Оставьте эти предложения для себя и исчезните, пожалуйста!

Однако наш дьякон, здоровяк из Восточной Пруссии, видимо, привык к подобным выходкам со стороны заключенных и не отступал. Он спросил, не соглашусь ли я поселиться в приюте Армии спасения?

Могу представить себе, как он ожидал, что я в резкой форме отклоню и это предложение. Но в тот момент во мне проснулась симпатия к людям, которые не стыдились казаться нам смешными в своей необычной форме и со своей казавшейся нам устарелой проповедью. В то время я не мог и предполагать, что мое «да» окажет такое огромное влияние на всю мою последующую жизнь.

ОСВОБОЖДЕНИЕ

Дьякон дал мне рекомендательное письмо к руководителю приюта Армии спасения в Гамбурге. 10 февраля 1958 года, получив свой заработок за последние шесть с половиной лет – 125 марок, я был освобожден.

У меня не было ни документов, ни работы, но было где жить и чем питаться. Планов я не строил никаких. Родственники мною не интересовались. Мать моя жила в Восточном Берлине, а Ганс А. де Боер, видимо, не знал о дне моего освобождения. Итак, в это воскресное послеобеденное время я стоял один в широком вестибюле. В кармане у меня лежала справка об освобождении и рекомендательное письмо, позади осталась испорченная жизнь, впереди – неизвестное будущее. Смогу ли я как-то определиться? Найду ли работу? Не видно ли уже издалека, откуда я пришел?

Попечитель Хардер сказал мне на прощание:

– Господин Дик, не делайте то, что делают другие. Не пытайтесь сразу же наверстать упущенное, спеша напиться и весело провести ночь.

Ну, это мне не грозило. Алкоголь уже давно не привлекал меня. С того дня, как я получил алкогольное отравление в Финкенвердере, больше я к водке не прикасался.

На следующее утро я хотел отправиться искать работу. Я хотел работать, а работы в Гамбурге было достаточно. Но прежде, чем я ушел из приюта, мой взгляд упал на черную доску, висящую на стене дома. На ней мелом было крупно написано: «Нужны домашние рабочие. Обращаться к руководителю приюта». Я

остановился. Домашний рабочий? Этому я научился в тюрьме. Мыть посуду, чистить картофель, мести полы, чистить туалеты – все это я мог делать не хуже любой женщины. Но то, что я когда-либо буду уборщиком в Армии спасения, моему гордому духу и на ум не приходило, по крайней мере, с того времени, как я занялся философией.

Голову мою переполняли возвышенные мысли, но сердце было абсолютно пусто. Я мог упиваться трудами Платона, Канта, Шопенгауэра и Ницше, так что заключенные в шутку называли меня профессором. Я употреблял много иностранных слов и сам себе казался очень образованным человеком. Но что пользы от высоких мыслей, если ноги короткие? Подлинный профессор, специалист в своей области может быть моральным уродом, интеллигентным извергом, и такой человек вдвойне опасен, так как талантлив и в то же время безбожен и безнравственен. Самое опасное существо в этом мире – человек. «В действительности мы боимся не атомной бомбы, а человека», – сказал Альберт Эйнштейн. Мне кажется важным не то, что у человека в руках, а то, у кого в руках человек, кто им управляет и направляет его.

Маленькие вещи, незначительные события часто играют в нашей жизни решающую роль. Черная доска, беглый взгляд, минутное размышление... Я пошел в кабинет капитана Цея. Передо мной был симпатичный христианин в униформе Армии спасения. В то утро я стал домработником за 60 марок в месяц плюс бесплатное питание. В приюте обитали самые разные люди, возможные сообщники новых преступлений, однако все здесь выглядело совершенно иначе. Каждое утро для сотрудников Армии спасения устраивалось

богослужение, и если раньше меня на него не затащили бы и десять лошадей, то теперь я принимал в нем участие добровольно. Более того, я даже ходил на собрания Армии спасения на другую улицу.

В доме жила еще одна семья, принадлежащая Армии спасения,— семья капитана Аллерса, но вскоре они переселились во Франкфурт. Также здесь жил один тихий, но всегда готовый помочь молодой человек. Как я после узнал, Вернер жил в добровольной бедности. Прибыл он из Гольштейна, выучился на слесаря, учился в вечерней школе и хотел стать офицером Армии спасения. Не было никого, кто бы его не любил. От него исходило нечто такое, чего я позже нигде не встречал. Он обладал немногим, но этим немногим умел доставить большую радость, так как дарил самого себя. Он никогда не спешил и в то же время всегда вовремя оказывался там, где требовалась его помощь. Вернер буквально пленил меня, и я очень благодарен Богу, Который поставил этого человека на моем пути. Он брал меня с собой, когда шел посещать больных. Как-то мы посетили одного старого обитателя нашего дома, который был горьким пьяницей. Вернер разговаривал с ним и с ним молился, и все было так естественно и прекрасно, что я даже не могу это описать. Позже он трудился с пастором Кемнером в Алдене, затем с пастором Рикером в Аделсховене. Затем вместе с одним братом, с которым я познакомил его во Франкфурте, он основал орден.

Мне все больше нравилась Армия спасения, в которой жизнь была ключом. Вскоре я вместе с ними выходил на улицы, с радостью пел их песни, ходил на собрания и участвовал в местной евангелизации. Я не знал, что церковь на Тальштрассе (центр Армии

спасения в районе Рипербана) молилась обо мне как о том, кто внешне был с ними, но внутренне был далек от Бога.

Некоторое время спустя я поехал в Хайльбронн, чтобы посетить Ганса А. де Боера и поблагодарить его за всю ту помощь, какую он оказал мне, когда я находился в тюрьме. Возвращаясь в Гамбург, я сделал остановку во Франкфурте. У меня закончились деньги, их хватило лишь на билет до Франкфурта. Оказавшись на главном вокзале, я прежде всего спросил, есть ли в городе Армия спасения. «Конечно»,— ответили мне. Здесь было два приюта: Остбункер и Шифербункер. Почему я отправился именно в Шифербункер, объяснить не могу. Так как я верю не в случайности, а в Божье водительство, то сегодня с благодарным сердцем думаю: Бог направил меня туда. В Шифербункере я встретил супругов Аллерсов из Гамбурга, которые несколько дней назад взяли на себя руководство этим приютом.

Они приняли меня с радостью. Тут же был решен вопрос с работой и жильем, и я остался во Франкфурте. Сначала я работал на рынке, где познакомился со всеми бродягами Франкфурта, с их нуждами и проблемами. Вскоре у меня появилось постоянное место, связанное с торговлей коврами, а также комната на Губмольдштрассе. В свободное время я шел в Армию спасения, но не чуждался и других христианских организаций.

Так я познакомился с братом Виктором, сотрудником Голубого Креста, и с братом Дубианом, руководителем Черного Креста. Несколько месяцев я помогал ему в работе. Сколько нужды я увидел здесь! Отсюда в рождественские дни отправляли письма и посылки

в тюрьмы заключенным и их находящимся в нужде родственникам. Брат Дубиан был пожилым человеком, но с каким усердием он трудился! Не имея иных доходов, кроме маленькой пенсии, он отдавал заботе об осужденных всего себя. Проповеди и поездки с целью посещения тюрем, прием посетителей, беседы, переписка; к тому же он никогда не пропускал библейский час.

При всем том у него была парализованная жена, тридцать лет прикованная к постели, о которой он трогательно заботился, не рассчитывая на постороннюю помощь. Всё это было бы невозможно без веры в Иисуса Христа, без Его силы. Я часто видел их обоих. Он с любовью сортировал, упаковывал и отсылал дальше полученные им вещи, а его «мамочка» своими покалеченными руками выполняла какую-то ручную работу. Когда фрау Дубиан пела песню «Будь, как верный Даниил», причем все куплеты она пела твердым и ясным голосом, я, молодой и здоровый человек, всегда находил в этом большое подкрепление. Из этой квартиры я уходил на свою работу утешенным и ободренным.

ХРИСТИАНИН БЕЗ ХРИСТА

Вскоре после этого во Фридберге, недалеко от Франкфурта, я начал так называемую «хлебную евангелизацию». Там у Грабингера, одного из владельцев барачного типа трактиров, я знакомился с опустившимися на самое дно людьми, стараясь обеспечить их одеждой, жильем и работой. Совместно с Лангештрассе мы смогли многих из этих людей снова познакомить с белыми скатертями и обильно накрытыми столами, предлагая им общение и Слово Божье. Многие приходили только ради одежды и еды. Другие пользовались возможностью умыться, побриться и т.д. Сестра Елизабет, тетя Клопп и еще некоторые сестры отдавали этой работе много времени и денег, иначе я не смог бы совершать ее сам.

Каждый день бывая у Грабингера, я стал там привычной фигурой. Согласно библейскому принципу – приобретать себе друзей богатством неправедным, – я старался соединять необходимое с полезным: чтобы накормить людей, я покупал молоко, фрукты и хлеб у Грабингера.

Так мы оба получали пользу. Я беспрепятственно мог уводить людей на наши занятия, не опасаясь скандала со стороны хозяина за причиненный его делу ущерб. Мне даже позволялось вывешивать на доме и в доме наши объявления. По обыкновению я всех посетителей трактира приветствовал рукопожатием, тем самым вступая в непосредственный контакт с совершенно чужими людьми. Один старик, который никогда не просил у меня помощи, но каждый вечер убивал свое

свободное время в трактире, неожиданно стал моим защитником. Он никогда не проявлял особого интереса к моим беседам. Однажды вечером в трактире появился новый человек, который не знал ни меня, ни моих прав в этом месте. Видимо, своим разговором я задел его больное место, так как он вскочил и схватил меня за воротник. Прежде чем я смог сообразить, как лучше выйти из затруднительного положения, кто-то сзади оторвал его от меня и бросил на землю. Я оглянулся и увидел стоящего в боксерской стойке старика, который громким голосом сказал: «Этого ты не трогай!» Так у меня появился неожиданный ангел-хранитель.

Бывают переживания разочаровывающие и радостные. Ни тем, ни другим мы не должны позволять руководить нами. Разочарования мы готовим себе сами, когда ожидаем от людей того, чего ожидать не следует. Однако это не должно смущать нас до такой степени, чтобы мы были готовы сказать: теперь я ничего больше не буду делать и никому не буду помогать. Именно тогда, когда мы думаем, что человек не заслуживает нашей помощи, он больше всего нуждается в ней.

Одна девушка из Армии спасения спросила меня, не смогу ли я достать ей подержанный мотоцикл. Я согласился. С одним другом я договорился встретиться на заправке, чтобы купить мотоцикл. В назначенное время друг не явился. Я долго ждал его. Затем то ли от скуки, то ли случайно нажал на дверь гаража; она была не заперта и открылась. И тут во мне словно включился какой-то механизм, как будто сработал инстинкт глубоко укоренившихся привычек. Я не стал противиться возникшему во мне влечению и не думал о последствиях. А они могли быть ужасными: если бы меня поймали, мне были бы обеспечены годы тюрьмы.

В гараже стоял большой автомобиль, а в нем лежало много всяких вещей. Двери были открыты. Я собрал все вещи, надел кожаную куртку и убежал. Дома я всё спрятал в шкаф, но из страха ничем не воспользовался, так что эта кража не принесла мне ничего, кроме обремененной совести.

Как это стало возможным? Я помогал другим людям как только мог. Они часто называли меня единственным встретившимся им христианином. У меня была репутация христианина, но я не был им. Я помогал другим, но и сам нуждался в помощи: в рождении от воды и Духа. Главное – не новая цель, не так называемые добрые дела; их можно делать и без Иисуса. Главное – новый человек. Мы терпим провал не из-за окружающей нас среды, а из-за нас самих. Я считался христианином и вел себя соответственно, не имея намерений обманывать кого-то. Но я был христианином только по форме, а при более глубоком исследовании ничем не отличался от людей этого мира.

Никто, кроме меня и Бога, не знал о моем проступке. Я, как и прежде, посещал собрания Армии спасения, шел с ними на улицы, пел их песни, молился и даже проповедовал; но меня постоянно мучила совесть. Я чувствовал себя очень неудобно, но ни с кем не говорил об этом. Порой я доходил до отчаяния. Как много людей, которые, подобно мне в то время, участвуют в христианских акциях, хотя сами не возрождены и не имеют новой жизни! Как много тех, кто не отваживается поговорить с кем-либо о своих проблемах и сбросить с себя благочестивую маску!

ВО СВЕТЕ БОЖЬЕМ

Но вот наступил День немецкой Армии спасения, который в 1959 году отмечался в Штутгарте. У нас также было об этом объявлено. К сожалению, я не мог поехать туда вместе с другими: у меня не было денег, чтобы оплатить проезд на автобусе из Франкфурта в Штутгарт. Мои деньги уходили на хлеб и другие виды помощи самым бедным. Но поехать мне очень хотелось.

Однажды, когда я пришел на собрание, бригадир Адам, тихий и верный офицер Армии спасения, сообщил мне, что кто-то оплатил мою поездку, так что я могу ехать вместе со всеми.

Итак, я еду. Автобус, наполненный членами Армии спасения, приближается к Штутгарту. И никто, в том числе и я, не знал, что именно этот день должен стать самым важным днем в моей жизни. Разве молодой член Армии спасения думал об этом, когда тайно от меня оплачивал мою поездку? Нет, мы не должны работать только на результат, вкладывать столько любви и жертвенности, сколько по нашему расчету нужно для достижения желаемого результата. Мы не должны мыслить и жить, исходя из материалистических расчетов. Любовь не рассчитывает; она любит. Во всяком случае наличие во мне такой любви я обязан вере в Господа Иисуса Христа.

В тот вечер в Штутгарте собрался весь цвет немецкой Армии спасения. Есть что-то возвышенное – находиться в одном помещении со многими мужами Божьими, в сфере их молитв и их веры. Зал был полон, все

радостно приветствовали друг друга. Это были люди, живущие в общении с одним и тем же Господом и совершающие одно и то же дело. Никто из них не подзревал, что я, собственно говоря, чужеродное тело в этой семье; все считали меня верующим, обращенным.

Можно очень много знать о христианстве, но жить как христианин может лишь Один: Иисус Христос. Прилагая собственные усилия, можно быть милосердным. Многое можно без Христа; нельзя только одно: быть без Него христианином. «Без Меня не можете делать ничего»,— говорит Иисус (Иоанна 15,5).

Музыка, пение и обычная для Армии спасения атмосфера радости наполнила зал. Командующий Викберг проповедовал. Он говорил о губительном состоянии людей без Бога и о пути спасения. Я был тронут до глубины души. Впервые мне стало ясно, почему Иисус умер на кресте: не только потому, что распятия Сына Божьего требовала ненависть людей; нет, Он подвергся суду Божьему за мою вину, и теперь Бог может прощать грехи, так как там, на Голгофе, Он осудил их, возложив на Своего Сына Иисуса Христа.

«Он изъязвлен был за грехи наши и мучим за беззакония наши; наказание мира нашего было на Нем, и ранами Его мы исцелились» (Исаия 53,5). Так Исаия пророчески говорил о том, что совершилось на кресте.

В тот вечер эта истина ясно и недвусмысленно обличила меня. Я увидел себя в свете Божьем погибшим грешником и плакал, как никогда в своей жизни. Я вышел вперед и преклонил колена, прося Бога помиловать меня. Капитан Крестпау склонился рядом со мной; он был моим свидетелем перед Богом. В тот вечер я

получил прощение своих грехов, получил возрождение, новую, вечную жизнь. Когда мы возвратились во Франкфурт, меня наполняло чувство такой радости и блаженства, что я не мог выразить этого словами.

За моей спиной была суровая жизнь, и мои чувства притупились. Но здесь я получил новый дух и снова смог плакать. Я плакал о себе и о своих грехах. Прошло длительное время, прежде чем я смог плакать о гибели других, но я обрел и эту способность.

Рост церкви в интеллектуальном отношении способствует душевной смерти народа. В наших общинах уже не плачут и не смеются. Мы говорим о единстве духа, души и тела, о целостности человека, но на практике ничего этого не видно. И я не удивляюсь, что наши церкви все более и более пустеют и даже богослужения с использованием рок-музыки и других приманок не могут наполнить их более чем на один час.

В БОЖЬЕЙ ШКОЛЕ

В следующий понедельник я пошел на работу, ясно понимая, что украденные вещи необходимо вернуть. Среди вещей было письмо с адресом, и я решил пойти туда. И я пошел. Когда я позвонил, вышла пожилая дама. Я спросил, здесь ли живут такой-то и такой-то?

– Ах,– сказала она,– вы хотите видеть моих сыно-вей? – При этом она посмотрела на предмет, который я держал в руке. Это был зонт, принадлежавший ее сыну.– Вам придется пройти к ним в контору; они будут там до семи часов. Я позвоню им, что вы придете.– Она назвала адрес.

Я отправился по указанному адресу, хотя в душе опасался, что к моему приходу там уже будет полиция, чтобы меня арестовать. Однако я был готов к полной капитуляции: пусть эти люди делают со мной что хотят. Я знал, что если на этот раз я попаду в тюрьму, то в последний раз, так как я уже христианин.

Подойдя к нужному мне дому, я увидел, что перед дверью стоит серьезного вида крупный мужчина, который по своему зонтику сразу же узнал, что я и есть тот самый посетитель, о котором ему сообщила мать. Он пригласил меня зайти в контору и запер за мной дверь. Я испугался. Из-за занавески показался еще один господин. «Полиция!» – пронеслось у меня в голове. Но нет, это была не засада, а брат первого господина. Немного оправившись, я объяснил цель своего прихода:

– Я обокрал вас и хочу вернуть вам ваши вещи; остальное лежит у меня дома.

Оба мужчины смотрели на меня таким взглядом,

словно я сбежал из психиатрической больницы. Видимо, им еще никогда не приходилось видеть, чтобы вор сам, без принуждения возвращал украденное.

– Кто послал вас? – спросили они.

– Меня никто не посылал. Вчера я услышал в Армии спасения проповедь и стал христианином. Я знаю, что воровство и христианство несовместимы, и вот я в вашем распоряжении.

Да, эти умные, грамотные люди были ошеломлены. Я кратко рассказал им о своей жизни. И тогда один из них сказал:

– Разве вы не знали, что с таким прошлым вам грозит большое наказание?

Конечно, я знал об этом.

– Дело в том, – объяснил другой с легким смущением, – что мы застрахованы и заявили о случившемся в полицию. Если вор не пойман, мы получаем возмещение ущерба, так что мы ни в чем не понесли урон.

Я давно знал, что в конечном итоге вор обкрадывает самого себя.

– Что же нам делать? Может быть, вы сможете посоветовать, как нам аннулировать свое заявление?

Подумать только: люди, которых я обокрал, спрашивают у меня, вора, как им защитить меня от заслуженного мною наказания! Теперь настала моя очередь удивляться. Я дал им несколько советов, после чего они отпустили меня, даже не спросив моего адреса. Сердце мое ликовало: я был помилован в полном смысле этого слова.

Я с прежним усердием продолжал сотрудничать с Армией спасения, а также с другими христианскими организациями, такими как Голубой Крест и Черный Крест. Но моей духовной родиной оставалась Армия спасения.

Однажды по случаю посещения командующего Викберга было запланировано зачисление в ряды Армии спасения новобранцев. Я был новобранцем и проходил испытательный срок, во время которого решался вопрос, могу я быть зачислен в Армию спасения в качестве солдата или нет? Руководитель нашего корпуса майор Алиш предложил зачислить меня.

В Армии спасения принято, чтобы солдат сам покупал себе мундир. К сожалению, у меня в тот момент не было денег. Чтобы хоть что-то в моем внешнем виде соответствовало требованиям Армии спасения, я решил свой светлый плащ переокрасить в темный цвет, а из формы Армии спасения купил себе головной убор. Незадолго до решающего дня ко мне пришел дивизионный офицер и предложил побеседовать с ним с глазу на глаз. Я понял, что он хочет сказать мне что-то особенное. Прежде всего он поинтересовался моим самочувствием и вообще жизнью. Затем он сказал:

– Брат Дик, вы купили в рассрочку пишущую машинку, поэтому мы не можем вас зачислить.

В то время заключалось много сделок в рассрочку, и многие неустойчивые люди поддавались искушению таким путем приобрести недоступные для них вещи. Среди христиан считалось недостойным делать такие приобретения, но я этого не знал. Я купил пишущую машинку и, как положено, оплатил ее. Своей радостью я, естественно, поделился в общине, так что об этом узнали от меня же и притом узнали задолго до решения вопроса о моем зачислении. Конечно, в глубине души я надеялся впоследствии стать офицером: какой солдат не мечтает стать генералом? К тому же со мной часто говорили и поощряли меня полностью посвятить себя службе в Армии спасения, так как ряды

ее пополнялись скудно. Я уже решил так и поступить, и мое зачисление должно было стать первым шагом к этому. И вот теперь такое разочарование: «Мы не можем вас зачислить».

На мое возражение, что о покупке машинки было известно заранее и это не может быть истинной причиной, я не получил никакого ответа. Однако выражение лица офицера говорило о том, что мое предположение верно. Мне вспомнились недоверчивые и даже подозрительные взгляды, которые я нередко замечал на себе. Я решил не расстраиваться, понимая, что по отношению к бывшему преступнику вполне допустимо проявление недоверия. В любом случае я трудился во имя Иисуса, и это помогало мне не обращать внимание на мнение людей. К тому же в Армии спасения довольно часто случались отпадения, что объясняло, почему, несмотря на все мое усердие, мне не вполне доверяли.

Однако я с болью в сердце осознавал, что в Армии спасения уже нет того, что было раньше, когда новообращенные сразу же надевали форму и приступали к служению независимо от того, кем они раньше были: пьяницами, хулиганами, блудницами или другими преступниками. Спасенный человек хочет спасать. Мой собственный опыт свидетельствует о том, что путь служения становится и путем освящения. Христианин должен трудиться. Праздность и здесь – мать всех пороков. Итак, меня не зачислили, но, несмотря на это, я продолжал приходить в Армию спасения в надежде, что позже меня все-таки примут.

Сегодня, оглядываясь назад, я должен признать: в том, что я не стал тем, кем хотел стать в то время, проявилось милостивое водительство Божье. Бог предусмотрел для меня другое место, для которого меня

готовил. Он не ошибается; просто не всегда легко узнать, что конкретно Бог хочет сделать с кем-то из нас. Нам нужно жить в повседневной зависимости от Него, следуя за Ним шаг за шагом.

Я трудился еще в одной христианской организации, где познакомился с девушкой, поразившей меня своей музыкальной одаренностью. Мы подружились. Я часто брал ее с собой в Армию спасения, так как думал, что не только мой путь, но и путь моей подруги – Армия спасения. При этом, естественно, возникали внешние и внутренние трудности и не в последнюю очередь из-за формы одежды.

Моя девушка была готова ко многому, но только не к тому, чтобы надеть эту форму. Особенно ей не нравилась смешная, как ей казалось, шляпа. Я настаивал на том, что она должна принять решение, и даже сказал ей, что мы сможем быть вместе лишь в том случае, если она будет ходить со мной в Армию спасения. В противном случае она должна идти туда, где была, чтобы я беспрепятственно мог трудиться в Армии спасения. Но она была упрямой, не желая ни принимать окончательное решение, ни возвращаться назад. Тогда я сказал ей, что, если до следующего дня она не примет решение, я уеду в Гамбург, так как не могу больше оставаться во Франкфурте в такой неопределенности.

Что тогда двигало мною, я не знаю, но так должно было быть. Она решила остаться, а я должен был уехать. В последний раз мы встретились с ней за чашкой кофе, а затем наши пути разошлись: я уехал в Гамбург, а она осталась во Франкфурте. Сейчас она офицер Армии спасения и вышла замуж за моего друга. Таким образом, Бог воспрепятствовал нашей дружбе, а не ее служению в Армии спасения. Во всем этом я вижу

милостивое водительство Божье. Как хорошо, что в то время я проявил настойчивость! В противном случае я, возможно, никогда не стал бы евангелистом.

Первое время я и в Гамбурге жил и работал в Армии спасения, но вскоре нашел себе собственную комнату и другую работу. Мне предложили место в одной фирме, где работа приносила мне радость, оставляя время и силы для других дел. Это способствовало моему последующему служению в качестве уличного проповедника на главном вокзале Гамбурга. Теперь расскажу, как я пришел к этому.

КАК Я СТАЛ ЕВАНГЕЛИСТОМ

Был сентябрь 1959 года. Я ехал в метро, направляясь в нужное мне место. Был воскресный день, примерно часов шесть-семь вечера. На главном вокзале я вышел из вагона. Оказавшись на улице, я увидел большую толпу людей. Посреди них, возвышаясь над всеми, стоял пожилой мужчина и что-то говорил. Речь его была неграмотной, он был явно не в ладах с языком, но говорил об Иисусе. Как я узнал позже, это был уверовавший в Христа еврей. Однажды я уже встречался с ним у сестры Берты Каузер, но его несколько театральные манеры скорее оттолкнули меня, чем привлекли к нему. Однако здесь он проповедовал Евангелие.

Садоводческое ведомство словно специально для этого воздвигло здесь помост полметра в высоту и два метра в ширину. Собралось много людей. Многие слушатели видели лишь повод повеселиться, так как речевые ошибки оратора давали много поводов для смеха. К тому же двое пьяных нагло забрались на помост и стали толкать говорящего то вправо, то влево, бросая при этом гнусные реплики. Оратор был крайне смущен, так как не мог ни освободиться от них, ни сосредоточиться. Для людей это было своего рода потехой. Никому и в голову не приходило помочь ему.

Я влез на помост и стал просить пьяных прекратить безобразничать. Наконец они согласились пойти выпить со мной по чашке кофе, и тот человек мог беспрепятственно продолжать проповедь.

Когда я снова возвратился на то место, оратор закончил свою речь, подошел ко мне и поблагодарил за

помощь. Видимо, он решил, что я готов и дальше сотрудничать с ним, так как сунул мне пачку журналов и попросил распространить их. Я был знаком с издателем этого журнала еще с того времени, когда жил во Франкфурте. Итак, я стал раздавать журналы.

Люди, которые до этого стояли вокруг оратора, теперь собирались группами и дискутировали между собой. Из любопытства я остановился возле них. Мне было интересно, что они говорят об этом человеке. Они спорили друг с другом, критиковали, а некоторые обливали грязью церковь, пасторов, папу и т.п. Они всё более и более распались и были близки к тому, чтобы пустить в ход самые убедительные аргументы – кулаки. Среди этого шума раздавались голоса и тех, кто спрашивал о Христе и о вере, но на их вопросы никто не отвечал. И я сделал то, что должен был сделать. У меня были ответы на их вопросы, и я ответил. Многие могли бы сделать это лучше, но не сделали. Библия говорит, что мы, христиане, должны быть во всякое время готовы дать ответ всякому требующему у нас отчета в нашем уповании.

То, что я говорил, было непродуманно и неподготовленно. Мои ответы вызвали новые вопросы, реплики, нападки. Беседа стала громкой, а круг слушателей становился все больше. Стоящие дальше плохо слышали и видели то, что происходило в центре круга, и некоторые стали кричать: «Поднимите его! Поднимите его!»

Прежде чем я смог сообразить, к кому относится этот возглас, меня подняли и поставили на помост. Теперь вопросы сыпались градом и притом на самые разные темы. Я говорил кому-то слово, кому-то предложение, здесь шутку, там цитату из Библии, обращал-

ся ко всем, затем к кому-то одному; в ответ слышались реплики и замечания проходящих мимо. Всё происходило так быстро, что едва поддается описанию.

Между тем круг слушателей становился все больше. Я уже начал восхищаться своими способностями; во всяком случае такое большое собрание я записал исключительно на свой счет. Я и не подозревал, что за мной на помосте уже продолжительное время стоят двое дорожных полицейских. Там, где полиция, что-то случилось. Каждому хочется поглазеть на бесплатную сенсацию. В пылу сражения я ничего этого не заметил. Поэтому я сильно испугался, когда один из полицейских коснулся моего плеча и спросил:

– Что вы здесь делаете?

Полиция! Я кое-что знал о правилах уличного движения, о свободе слова и собраний.

– Что я здесь делаю? Дискутирую.

– Ну что ж, это не запрещено, но количество участников не должно превышать пятьдесят человек, чтобы не создавать помех дорожному движению.

Здесь было гораздо больше пятидесяти человек. Стояла чудесная погода, и на площади, расположенной перед главным вокзалом, можно было убить время.

– Вы должны прекратить это, – сказал один из полицейских.

Я понимал, что возражать бесполезно, но в то же время чувствовал, что нельзя закончить так резко. И я попросил разрешения сказать несколько слов в заключение. Мне позволили. Я попрощался с людьми, поблагодарил за дисциплинированное поведение и объяснил, что на проведение такого собрания требуется разрешение. Правда, демократия гарантирует свободу мнений, но, в конечном итоге, не свободу делать все,

что угодно. С этими словами я спрыгнул с помоста, давая понять, что дискуссия закончена, и хотел уходить. Однако все было не так просто. Люди обступили меня, пользуясь возможностью задать свои личные вопросы. Правда, многие ушли, но значительная часть осталась, ожидая еще чего-то интересного.

И тут полицейские допустили ошибку. Так как им не удалось рассеять толпу, они решили забрать с собой Дика; тогда исчезнет повод стоять здесь и остальные разойдутся. Итак, эти господа подошли ко мне и тихонько потребовали следовать за ними к полицейской машине. Это было ошибкой, так как результат получился прямо противоположный.

Увидев, что я «арестован», что полицейские повели меня с собой, все устремились за нами. Они думали о провозглашенной демократии, о свободе мнений и слова, видели голубые мундиры... О том, чтобы уехать, нечего было и думать. Толпа возмущалась, так как я, в конце концов, ничего противозаконного не сделал; напротив, я говорил о Боге и за Бога.

Пока полицейские записывали мои анкетные данные, люди толпились вокруг автомобиля, стуча в стекла и крича: «Вы арестованы? Вы арестованы?» Это действительно выглядело как арест. Тогда я громко крикнул в щель окна: «Я не арестован! Меня просто отвезут домой!»

Народный гнев утих, и полицейские действительно доставили меня к нужному мне месту. Такого со мной еще никогда не случалось. Раньше полицейские машины, в которых мне доводилось сидеть, всегда ехали в одном направлении.

Я считал, что на этом всё закончилось. Однако когда я освободился от дел и, направляясь домой, снова

оказался на главном вокзале, там все еще стояли люди, продолжающие дискутировать. Некоторые из них узнали меня.

– Привет! Ну, как демократия? – с улыбкой спрашивали они.

– Все в порядке, – ответил я и хотел идти домой. Однако в ту ночь у меня это так и не получилось.

Вскоре снова собралось множество людей; согласно газетному сообщению, их было около трехсот. Я вынужден был снова подняться на помост и всю ночь напролет говорить и отвечать на вопросы. Вопросы звучали разные, порой острые и едкие. Я и не заметил, что время далеко за полночь. Люди медленно расходились. Уже рассветало, когда я, смертельно уставший, возвратился домой. Так я, сам того не заметив, стал евангелистом. Шаг за шагом Бог вел меня к этому служению: сначала в Армию спасения, затем, после многих колебаний, к вере в Господа Иисуса. Постепенно моя жизнь упорядочивалась, и теперь без каких-либо собственных планов использования данных мне дарований я был поставлен на это служение.

Несколько часов спустя я отправился на работу. Как только я зашел на фирму, со мной стали весьма необычно здороваться. «Доброе утро, пророк!» «Доброе утро, Моисей!» Когда я выразил недоумение, кто-то спросил:

– Ты что, еще не читал вечернюю газету?

– А что там такое?

– На, читай!

Статья называлась «Пророк на вокзале». Речь в ней шла о безвредном глупце, который перед тремя сотнями слушателей излагал свои религиозные убеждения. Сообщение было пересыпано циничными замечания-

ми, и мне стало понятно, почему бывшие друзья изменили отношение ко мне.

Если сначала газетное сообщение вызвало во мне чувство стыда, то позже я даже гордился им. Да, совсем не просто мириться с публичным обвинением в умственной отсталости, не имея возможности защитить себя. Каждый хочет что-то значить. Кто готов ради Христа переносить насмешки? Конечно, автор статьи не написал бы ее, если бы знал, что тем самым лишь обратит внимание людей на «смешного чудака» на главном вокзале.

В следующее воскресенье я отправился на главный вокзал, чтобы посмотреть, что будет дальше. Когда я прибыл туда, там снова стояла большая толпа. Люди смеялись, кричали и хлопали в ладоши. Над этой толпой возвышался Исаак, недавно уверовавший еврей, который, по собственному утверждению, больше тридцати раз прочитал Библию. Однако на этот раз у него не было Библии; в руках он держал вечернюю газету. Он бушевал и яростно ругался; такие ругательства редко услышишь и от язычников. Он хотел смешать с грязью всю прессу, эту кузницу дьявола, и на первом попавшемся дереве повесить автора статьи Акселя Шпрингера.

Было просто отвратительно видеть так называемого христианина вне себя от злости. Толпа, естественно, горланила: у нее снова был повод повеселиться. Исаак принял на свой счет статью о безвредном глупце и обвинил автора в преследовании евреев.

Мне сразу стало ясно, что нужно разъяснить это недоразумение. Однако Исаак не давал вставить ни слова. Наконец незадолго до окончания его гневной речи я смог вклиниться. Я поднялся на помост и объяснил,

что «безвредный глупец» – это я. Но я благодарен за это прозвище, так как апостол Павел тоже стал «безумным Христа ради». Быть безумным ради Христа – это почетно. Лучше быть глупцом, но с Иисусом, чем умным в глазах толпы, но без веры в Господа Иисуса. Таково мое мнение, взятое из Библии.

Исаак скис, как мокрый парус в штиль. Я лишил его материала для речи, и он стоял, опустив от стыда голову. Я не намеревался позорить его, но надеялся, что это послужит ему на пользу, хотя в последующее время мы не заметили в нем перемены. Он создавал нам немало трудностей, и в конце концов ему запретили проповедовать в Гамбурге. Но до этого он каждое воскресенье проповедовал с пяти до семи часов вечера, а затем его место занимал я – сначала без полицейского разрешения, а потом с разрешением после семи часов проповедовать, пока есть слушатели.

НА ГЛАВНОМ ВОКЗАЛЕ ГАМБУРГА

С этого дня на протяжении двух лет я каждое воскресенье в семь часов вечера становился на площади главного вокзала и проповедовал независимо от того, шел ли дождь или светило солнце, было тепло или холодно, лето или зима. Сначала я стоял там один, но со временем у меня появилась группа поддержки.

Начало было очень трудным. Дело обстоит так, что люди вовсе не готовы падать от радости на шею тому, кто проповедует Евангелие на улице. Напротив, было много препятствий. Прискорбно, что самое большое противодействие исходило не из рядов атеистов, а от христиан. Я со скорбью вспоминаю о том, как серьезные братья и сестры из различных церквей выступали против этого начинания. Конечно, в чем-то они были правы, но часто просто выказывали себя всё знающими и понимающими, притом на основании своего положения и возраста, а не личного опыта.

Многие слушатели думали, что я не работаю и живу за счет своих проповедей. Бывало, прохожие во время моей проповеди кричали: «Иди работать!» Или: «Ты живешь за наш счет!» Вначале это приводило меня в отчаяние и было прямо-таки огненным искушением. Я стал постоянно носить с собой «Сокровища» Сперджена – маленькую книжечку с Божьими обетованиями на каждый день, которая помещалась в кармане брюк.

Одно из обетований в то тяжелое время гласило: «Когда Господу угодны пути человека, Он и врагов его примиряет с ним» (Притчи 16,7). И я стал свидетелем того, как время от времени неожиданно и незаплани-

рованно приходило много помощников из разных деноминаций. Вначале я вынужден был петь соло, так как никто не помогал мне, но вскоре у меня уже был гитарист и несколько певцов, с которыми я пел призывные христианские песни. Мы никогда не репетировали и, видимо, пели не так уж хорошо, зато громко и понятно. А именно это в конечном итоге и нужно.

Многие христиане охотно шли бы благовествовать, если бы были готовы к своеобразным собраниям на улице порою даже в полуночное время. При этом не помешает небольшой хор или певческая группа в сопровождении гитары. Хорошо, когда есть сотрудники. Библия учит идти вдвоем; однако с Господом в сердце можно отважиться нести благую весть и в одиночку. Большой хор может быть даже препятствием, так как наводит на мысль, что здесь работает церковь, а это многих отталкивает.

Попробуйте стать на улице совершенно один, лучше на каком-нибудь возвышении, и начать петь с верой и в благоговении, и вы увидите, как к вам, скептически улыбаясь, начнут подходить люди. Ведь такое увидишь не каждый день. Если вы к тому же начнете проповедовать, то вскоре убедитесь, что число ваших слушателей растет. Говорите громко и ясно, затрагивайте насущные темы – и вы увидите, что многие будут слушать вас.

Когда выяснится, что вы не оплачиваемый священник или проповедник и не принадлежите ни к какой секте, тогда на вашей стороне будут симпатии даже тех, кто враждебно настроен по отношению к церкви. Проповедуйте всегда в одно и то же время в таком месте, где люди гуляют: там вы не нарушите тишину, так как в таких местах и без вас достаточно шумно.

При этом особенно важно сохранять постоянство. Вам должно быть безразлично, идет дождь или снег, тепло или холодно. Постоянно следите за прессой и связывайте ваши проповеди с событиями дня. Начните с того, что людям известно, и ведите их к неизвестному. Не нужно составлять конспектов; Библия неисчерпаема и предоставляет достаточно материала и широкий выбор тем. Держите Библию буквально перед носом слушателей. Показывайте им, что то, о чем вы говорите, действительно записано в Библии. Это самый быстрый путь развеять предубеждение, что Библия устарела и пригодна только для детской и дома престарелых.

Но не становитесь роботом, своего рода машиной по обращению людей. Делайте всё из любви, независимо от успехов. Конечный результат не в наших руках; мы не можем обратить или удержать никого, кто сам этого не хочет. Будьте тверды, защищая основанные на Библии истины от лжеучений, но никогда не проявляйте фанатизма; мы никого не должны судить, кроме самих себя.

Теперь мне хочется рассказать и о наших приключениях во время работы на главном вокзале. Однажды вечером я говорил о любви Божьей во Христе Иисусе. Вдруг ко мне подошел подвыпивший парень и, держа в руке бутылку с водкой, с угрозой крикнул:

– Если ты сейчас же не прекратишь говорить о своем Иисусе, я разобью эту бутылку о твою башку! Где был твой Иисус, когда нас окружили под Сталинградом? Где был Он, когда моя жена и дети погибли во время бомбежки? Где был твой «дорогой Господь»?

Что было делать? Для таких случаев в Библии есть ясное указание: «Кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую».

Слушатели почуяли сенсацию и уставились на нас, ожидая развязки. Редко в своей жизни я так твердо держался Библии, как в этой ситуации. Если он ударит – хорошо, если не ударит – тоже хорошо. В любом случае я намеревался продолжать говорить о любви Божьей. И в то время как я все громче возвещал любовь Божью, этот парень вдруг куда-то исчез. Через несколько минут он появился снова: тот же человек, но изменившийся. В руках он торжественно держал стакан со студнем, который протянул мне со словами:

– Я подозреваю, что тебе дома нечего есть, потому ты стоишь здесь и кричишь.

Конечно, я не мог на глазах толпы съесть этот студень и передал его одному молодому человеку. С этого момента пьяный парень, не проронив ни слова, весь вечер слушал проповедь.

Однажды вечером сзади меня собралась компания молодых ребят, которые во время проповеди хором кричали: «Мы хотим масла! Мы хотим масла!» Я не мог перекричать их, но даже мысли не допускал пойти за полицейским. Проповедь о любви Божьей и полицейские дубинки несовместимы. Сначала дружелюбно, потом строго я пытался уговорить их не мешать мне, но в ответ звучало все то же: «Мы хотим масла! Мы хотим масла!»

Для присутствующих это было очередным развлечением; даже друзья, стоящие в толпе, не помогали мне, а заняли выжидательную позицию. Видя такое дело, я применил испытанное средство: подошел к парням и каждому крепко пожал руку. Лишь последний стоял на своем:

– Я не подам тебе руки, я хочу масла.

Я прореагировал молниеносно:

– Ты, наверное, считаешь меня фанатиком и думаешь, что я не хочу масла? Это не так, но я не хочу масла без Иисуса. Чтобы ты поверил, что я тоже охотнее ем масло, чем маргарин, давай-ка вместе будем кричать: мы хотим масла!

После того, как я несколько раз прокричал эту фразу, пыл у парня угас, и я смог беспрепятственно проповедовать. Некоторые из этих ребят остались и приняли участие в дискуссии.

Было уже темно, когда два молодых человека подошли ко мне и с издевкой сказали:

– Ты сам не веришь в сказки, которые тут читаешь! Сколько ты получаешь за то, что дурачишь народ?

У меня в то время была карманная Библия в кожаном переплете, которую я любил и которой очень дорожил. Мне ее подарил мой друг Вернер, и я много работал над ней. Именно из этой Библии я читал, когда эти двое подошли ко мне. Обращаясь к одному из них, я сказал:

– Ты когда-нибудь хоть раз читал Библию? Вот, читай! – С этими словами я вложил Библию в руку парня. – Ты критикуешь Библию и чернишь тех, кто ее проповедует, не имея ни малейшего понятия, что в ней написано. Можешь оставить эту Библию себе.

Освещение было слабым, а шрифт мелким, поэтому парень вернул мне Библию, мотивируя тем, что не может читать мелкий шрифт.

Я был рад, что моя любимая карманная Библия снова оказалась у меня, но тут с другой стороны подошел бородатый молодой человек и сказал:

– Дайте Библию мне!

Что мне оставалось делать? Я ведь сам предложил ее. И я отдал ему свою Библию.

Вероятно, я давно забыл бы эту историю, если бы она не имела своеобразного продолжения. Когда на следующей неделе я зашел в христианский книжный магазин на Гольштенштрассе, где обычно покупал книги, продавец сказал мне:

– Здесь для вас оставили 500 марок.

Как выяснилось, одна покупательница видела, как молодой проповедник на главном вокзале подарил дорогую Библию. Продавец расспросил ее о подробностях и выяснил, что это был я. Он сказал женщине, что хорошо знает меня, после чего та передала для меня 500 марок со словами: «Если каждое воскресенье дарить по дорогой Библии, то ему надо помочь».

Я часто был свидетелем того, как Господь во сто крат воздает нам, когда мы, проявляя послушание, что-то жертвуем для Него.

Но на этом история не закончилась. Для меня случившееся было чудом. Никто никогда не дарил мне так много денег, и в ближайшее воскресенье я рассказал эту историю слушателям. Я даже показал им деньги, так как они не верят в то, чего не видят.

Прошел год. Однажды на том же главном вокзале ко мне подошел прилично одетый господин и задал провокационный вопрос:

– В прошлом году вы получили 500 марок. Скажите, что вы с ними сделали?

Слушатели затаили дыхание. Я даже чувствовал, как они думали: «Теперь он попался; мы знали, что он стоит здесь ночи напролет не бескорыстно. Все это рассчитано на простаков».

– Не знаю, какие 500 марок вы имеете в виду, – ответил я. – За это время я не раз получал такую сумму. К сожалению, я не записывал все случаи. Но одно могу

вам сказать: половину этих денег я отдавал сестре Берте Каузер для работы среди самых бедных в Гамбурге. Другую половину я тратил на питание, одежду, квартирную плату и проезд. Когда мы здесь говорим о любви, часто подходят люди и заявляют: «Ты говоришь о любви, так полюби меня. У меня нечего есть, нет жилья, нет одежды и т.д.». И я отдаю сначала свое, а затем использую и деньги тех, кто жертвует.

– Хорошо,— сказал на это господин,— я проверил ваши слова. Это действительно так. И так как вы в прошлом году получили 500 марок, получите такую же сумму и в этом году.— Он вытащил из кармана конверт, сунул его мне в руку, надел шляпу и ушел.

Я и сегодня не знаю, кто это был. Тут же я распечатал конверт: там действительно было 500 марок. Присутствующие смотрели на меня большими глазами. Но немногим в тот день пришла мысль о том, что это имеет прямое отношение к обетованию, которое гласит: «Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам» (Матфея 6,33). Кто верит этому? Если бы можно было предвидеть наперед, многие проявляли бы больше готовности служить Богу с полной отдачей. Но там, где есть место расчету, там нет любви. Эти случаи утвердили меня в том, чтобы отдавать даруемое мне Богом и снова иметь возможность получать. Таков духовный принцип: ученики получили, раздали и, несмотря на это, собрали больше.

Эта история все еще не закончена. По прошествии нескольких лет я на протяжении недели проповедовал в тюрьме в Бутцбахе. Однажды ко мне подошел русский мужчина и рассказал следующее.

– Мы с товарищем шли на работу в типографию в ночную смену. Проходя мимо главного вокзала, мы

увидели толпу и решили посмотреть, что там случилось. Мы подошли как раз в тот момент, когда вы предложили парню в подарок Библию, а он отказался. Тогда мой товарищ попросил у вас эту Библию. Мы спешили на работу, поэтому нам пришлось сразу же уйти. Мой коллега взял Библию, желая испытать, действительно ли вы готовы ее отдать, и чтобы помешать кому-то другому взять ее, а потом выбросить.

Таким образом, через несколько лет я узнал, кто, проходя мимо, взял мою карманную Библию.

Воспоминания о главном вокзале Гамбурга мне хочется закончить письмом, которое я получил после моей первой проповеди:

«В воскресенье вечером я проходил мимо главного вокзала и услышал Вашу проповедь. Она так заинтересовала меня, что я отказался от первоначального плана и остался послушать Вас. В таких случаях не принято аплодировать, поэтому я решил написать Вам письмо, чтобы таким образом сердечно поблагодарить Вас за то, что Вы сказали и чем тронули меня. Мне очень нравится, что Вы, еще молодой человек, полностью посвятили себя делу, которое не дает Вам ни выгоды, ни общественного признания». Затем следовала жизненная исповедь, из которой мне стало ясно, что в юности этот человек тоже принадлежал к молодежной христианской группе.

Важным в этом письме было следующее: «...я изменил свой первоначальный план». Какое бы действие ни оказывала наша проповедническая деятельность, одно определено: многие отказались от своего первоначального плана, потому что там стояли мы, и они не могли так просто пройти мимо. С этой точки зрения уже само существование христианина, если он верно

исполняет свое назначение, служит своего рода предупреждающим знаком. Этому знаку можно противиться, но он заставляет людей принять определенное решение. И самый важный момент при этом – наша верность. То, что сделано лишь однажды, по настроению, не всегда неверно; но если за этим не последовало ничего прочного, то мы не сделали того, что Бог хотел сделать через нас.

ИЩИТЕ ПРЕЖДЕ ЦАРСТВА БОЖИЯ

Годы, проведенные мною в Гамбурге, были очень насыщенными. Наряду с работой на главном вокзале, я трудился в Армии спасения, а также участвовал в различных мероприятиях других христианских организаций.

Хочу немного рассказать о совместном труде с сестрой Бертой Каузер. Она еще не знала моего друга Вернера, который сотрудничал со мной на главном вокзале в качестве гитариста, когда мы однажды поехали к ней на его мопеде. На улице Бекербрайтерганг находилось помещение уличной народной миссии, где была и квартира сестры Каузер, откуда доносилось нестройное пение хриплых голосов. Когда мы вошли в маленькую комнату, нам стало не по себе от не очень-то приятного запаха. Здесь были собраны бродяги. Сестра Каузер каждый день собирала до 120 человек и заботилась о них. Сама она жила в добровольной бедности. Эта женщина, которую официально не поддерживала ни одна церковь, ежедневно помогала самым бедным людям. Невозможно подсчитать, от скольких отчаянных шагов уберегла она этих бедняг, давая им хлеб.

Средства на эти цели складывались из пожертвований. Некоторые предприятия присылали в миссию остатки из столовых. Здесь все это распределялось между бездомными. Сестра Каузер давала им одежду и каждому по тридцать пфеннигов, заботилась о работе для мужчин, помогая некоторым из них встать на ноги. Конечно, нередко эти люди обманывали ее, пропивая последние гроши. Но все любили эту женщину.

И вот мы стоим перед сестрой Бертой Каузер. Это маленькая, худенькая женщина, которой уже 91 год, но с какой энергией она с утра до вечера заботится о несчастных!

— О Вольфганг! — воскликнула она, узнав меня.— Кого это ты привел с собой? Да еще с гитарой! Ну, тогда сыграйте нам!

Призвав присутствующих к тишине и не спрашивая нашего согласия, она заставила нас петь и говорить. Я еще раньше предупредил Вернера, что так просто мы отсюда не уйдем. Тот, кто приходит в этот дом, должен или послужить, или быть обслуженным. Безучастных здесь не бывает.

Берта Каузер уверовала в Лондоне, в Армии спасения, затем приехала в Гамбург и в течение пятидесяти лет совершала здесь это служение. Ей так понравилось наше пение, что она пригласила нас в воскресенье после обеда петь в актовом зале школы, где каждое воскресенье с трех до шести она собирала множество бедных людей, чтобы предложить им на это время кров. Там она кормила их. Конечно, здесь проповедовалось и Слово Божье. Как часто в последующие месяцы я говорил в этом зале! Для меня было большой радостью сказать этим потерявшим всякую надежду людям, что Бог любит их. На примере собственной жизни я мог свидетельствовать им, что для Бога нет безнадежных случаев.

Это было чудесное время служения сначала в Гамбурге, а затем и в его ближайших и отдаленных окрестностях. Нам была незнакома скука. У нас едва хватало времени, чтобы успевать везде, где было нужно; тем более у нас не хватало времени для каких-нибудь глупостей.

Одна из поездок сыграла особо важную роль в моей последующей жизни. Майор Томас, основатель международного факельного движения, совершал служение в Ванкендорфе. Я и раньше много слышал о нем в нашем молодежном кружке, а теперь мне представилась возможность услышать его и лично познакомиться с ним. Как офицер, майор Томас был знаком с оккупационными властями Германии, но Бог положил ему на сердце проблемы молодежи.

Мой друг Адольф, с которым я познакомился на главном вокзале, согласился отвезти меня в Ванкендорф на своей машине. В семь часов вечера мы хотели снова быть на главном вокзале. В ночь с субботы на воскресенье я проповедовал и лишь под утро, охрипший, лег в постель. В воскресенье утром я надел свой лучший костюм и рубаху с бабочкой. Подъехал Адольф, открыл дверцу машины и предложил мне сесть сзади. Там уже сидела незнакомая мне девушка. Это была Анна, которой в скором будущем было суждено стать моей женой. Конечно, на ней это не было написано, и вначале я этого не понял. Вскоре мы снова встретились с ней на занятиях с помощниками душепопечителей, когда готовились к евангелизационной кампании Билли Грэма. Затем последовала помолвка, и через несколько месяцев мы поженились.

Анна выросла в христианской семье и была духовной дочерью проповедника Хайтмюллера, который более пятидесяти лет совершал благословенное служение в Хольстенвале. Во время нашего бракосочетания он сказал мне: «Вы сами не знаете, какое для вас преимущество породниться с этой семьей!»

Родители Анны были очень любезны со мной. Они испытывали много трудностей с сыном, который в воз-

расте 29 лет жил без семьи, ведя распутный образ жизни. Моя жена стала мне верной и очень жертвенной подругой. В то время она еще работала служащей в больничной кассе и зарабатывала больше своего мужа. Она не принимала во внимание мое прошлое, ни в чем не упрекала, но просто любила меня самоотверженной и верной любовью.

Так по пути на служение я получил себе жену. Я не позволял себе даже мечтать о том, что я, бывший каторжник, когда-нибудь женюсь. Мне не понадобилось идти для этого на танцплощадку. Да я и не умею танцевать – в тюрьме нас этому не учили. Все, что я имею, дано мне по обетованию Иисуса: «Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам».

И ЕВАНГЕЛИСТЫ НУЖДАЮТСЯ В ПРОЩЕНИИ

Хочу рассказать еще об одном случае, из которого ясно, что христиане тоже каждый день нуждаются в прощающей благодати Божьей.

Это случилось в то время, когда я проповедовал на главном вокзале. В то время чего только обо мне не думали, пожалуй, кроме того, что я, как проповедник, способен на воровство. Но привычка имеет страшную силу.

Однажды после работы я зашел в магазин, клиентами которого были все мои коллеги. Это был магазин самообслуживания, и я хотел кое-что выбрать для себя. В углу, где стояли маленькие шкафчики для личных вещей персонала магазина, я увидел, что из одного такого шкафчика высунулась купюра в 50 марок. Моя первая реакция была очень правильной, так как я громко закричал:

- Что это за небрежность?
- Что случилось, господин Дик? – спросил шеф.
- Да ничего, – ответил я.

Тут сработала вторая реакция, и купюра исчезла в моем кармане. После этого я в сильном смущении купил то, что намеревался.

Шеф, конечно, не заметил, как заговорила моя совесть и как я покраснел. Раньше я такого не испытывал: я был настолько испорчен, что никогда не смущался. С украденными пятьюдесятью марками я отправился домой.

Наступил воскресный день. Я пошел на главный вокзал проповедовать. Однако в тот вечер я знал, что

ожидая от других того, чего сам не исполнил. Я проповедовал о Божественных заповедях и о Божьей любви, а у самого в кармане лежали украденные деньги. Бог так обличил меня в моем грехе, как это не может сделать ни один прокурор или судья.

В понедельник я первым появился в магазине с намерением сделать шаг, который для меня был более тяжелым, чем выйти к скамье покаяния. Этот шаг был для меня еще и потому таким тяжелым, что хозяин магазина знал, что я христианин и проповедник. Я понимал, что, если пойдут толки об этом случае, моему служению на главном вокзале будет положен конец. Но я знал и то, что мне необходимо возвратить эти 50 марок и притом не анонимно, в письме, а лично признав свою вину. Даже если после этого Бог отстранит меня от служения и я больше не смогу проповедовать, что я делал с большой радостью, все равно этот грех должен быть удален из моей жизни, невзирая на последствия. Итак, я подошел к владельцу магазина и сказал:

– В субботу я украл у вас 50 марок.

Он испугался, но никому не рассказал об этом, и я мог с радостью продолжать свое служение для Господа.

Может случиться, что христианин украдет, но он не должен удерживать у себя украденное. Христианин может упасть, но не должен оставаться в таком состоянии. Как много христиан живет под бременем каких-то грехов, боясь, что потеряют уважение других, если признаются: «Я тоже грешник. Я обманывал Бога и людей». Многие тащат на себе груз неулаженных дел и удивляются, почему не могут быть радостными христианами.

Однажды мне стало ясно, что я должен вернуть деньги владельцу заправки, расположенной недалеко

от главного вокзала. С этой заправки я много лет назад украл более чем на 700 марок бензина. Вместе с Анной и одним другом я поехал туда урегулировать это дело. Владельца заправки не было на месте, но я смог позвонить ему и сказать, что вор, который обкрадывал его много лет назад, готов вернуть стоимость украденного частями. В этой беседе я выступал как доверенное лицо вора. Конечно, владелец заправки обрадовался, что сможет получить эти деньги.

Выяснилось, что владелец заправки подозревал в краже своего заправщика, и тот месяцами выплачивал ему эту сумму. Когда я рассказал об этом Анне, у нее на глазах появились слезы. Она предложила следующее: она пойдет в банк и попробует взять кредит, чтобы сразу отдать заправщику 700 марок. На следующий день она отправилась в банк. Это было 30 ноября 1960 года. В этот день я прочитал в «Сокровищах» Спердженна следующее обетование: «Господь Сам пойдет пред тобою, Сам будет с тобою, не отступит от тебя и не оставит тебя, не бойся и не ужасайся» (Второзаконие 31,8). Какое подходящее обетование! Господь пошел перед моей женой, и она без всяких проблем получила кредит, чтобы уладить это дело. Мы решили сразу же позвонить владельцу заправки и сказать, что вор готов сразу отдать все деньги. В тот же вечер мы отнесли ему деньги, кроме ста марок, которые решили отдать позже, так как приближалось Рождество и мы хотели кое-что купить. Владелец с радостью согласился на это. Он все еще не знал, что вор сидит перед ним.

Когда он вышел в соседнюю комнату, чтобы принести бланки квитанций, Анна сказала мне:

– Так не пойдет. Ты должен сказать, что вор – это ты.

Я решил последовать ее совету и сказать всю правду. Никогда не нужно делать лишь половину дела. Я сказал владельцу заправки, что вор – это я. Он недоверчиво посмотрел на меня и ответил, что никогда ничего подобного не видел, хотя является присяжным заседателем в суде.

На следующий день я прочитал в «Сокровищах» Сперджена: «Кто ходит в непорочности (в другом переводе: “искренне”), тот ходит безопасно...» (Притчи 10,9). В этом я убедился на личном опыте. Ходить искренне и в истине – значит находиться на пути, богатом благословениями, хотя сначала этот путь и нелегок.

В следующий понедельник меня посетил мой брат и друг Эрих. С человеческой точки зрения, это был очень бедный человек. Он жил в социаллагере среди бедняков на улице Килер. Несколько недель назад он передал мне небольшой пакет, в котором находились написанные от руки выдержки из трудов сестры Евы из Тиле-Винклера и 100 марок. Тогда я запретил ему делать мне такие подарки. Лучше купить беднякам с улицы Килер хлеба, скатерть на стол и цветы, так как там царила очень удручающая обстановка.

Итак, Эрих пришел в понедельник, вскоре после того, как я признал свою вину. Он приветствовал меня и вручил мне конверт, взяв с меня обещание вскрыть его, когда он уйдет. Когда он ушел, я сказал жене:

– Давай посмотрим, что в конверте. Я думаю, там лежит ответ Бога на то, что мы сделали.

Так и было. В конверте мы нашли 600 марок, которыми смогли оплатить наш долг. Это было потрясающе! Пережив такое, можно смело свидетельствовать о том, что Бог верен Своим обетованиям. Эриха мы больше не видели.

ОТПУЩЕННОЕ НАМ ВРЕМЯ

После женитьбы я посещал трехмесячные курсы в библейской школе факельщиков. Вернувшись домой, я еще не получил ясного ответа, что делать дальше. Мы жили в комнате, которую снимали у другого съемщика. Срок разрешения на проповедническую деятельность на главном вокзале истек. У меня появилось много свободного времени. Правда, я посещал сестру Каузер и Армию спасения, но больше ничего не делал.

Праздность – мать всех пороков. Так гласит пословица. Не всегда это совершается сразу; в большинстве случаев всё начинается с малого. Как-то мы с женой прогуливались вокруг озера и на другой стороне увидели световую кинорекламу: «Бравый солдат Швейк». Этот фильм я видел, когда находился в Восточной зоне. У нас не было никаких дел, и мы впервые за долгое время пошли в кино.

Как будто специально перед началом фильма показали короткий журнал «Воскресный день у других». В нем рассказывалось о работе Армии спасения. Я знал всех действующих лиц. Обращаясь к жене, я сказал:

– Нужно было пойти в кино, чтобы увидеть, что я должен делать в свое свободное время.

За нашей спиной некоторые молодые люди отпускали язвительные замечания в адрес Армии спасения. Я повернулся к ним и несколькими меткими фразами заставил их замолчать.

Итак, посещение кино принесло два добрых результата. Хотя, собственно говоря, я не имел никакого морального права возмущаться неправильным поведением других, когда сам поступал неправильно.

Когда мы пришли домой, я получил еще одно указание, что мне делать. Открыв почтовый ящик, я достал конверт, в котором находился экземпляр брошюры «Вестник Его пришествия». В этой брошюре была помещена статья под названием «Иисус – уличный проповедник». В этот момент мне стало совершенно ясно, что мое место – главный вокзал Гамбурга. Итак, на следующее воскресенье мы, как и прежде, продолжали там проповедовать.

С этого времени я стал очень внимательно относиться к своему времени. Больше я не посещал кино. Конечно, я не хочу сделать из этого закон для других, так как не могу требовать от других то, что подходит мне. Тем не менее мы должны помнить, что наше время находится в Божьих руках. Отпущенное нам время – это жизнь, а наша жизнь принадлежит Богу и должна постоянно находиться в Его распоряжении. Конечно, нам необходимо и отдыхать, чтобы быть готовыми для последующего служения.

У нас все еще есть возможность трудиться; демократия пока еще позволяет нам проповедовать вне стен наших домов, используя усилитель или без него. Пока еще нас не ограничивают; но, к сожалению, порой мы сами себя ограничиваем. Увеселительные места, улицы, парки и плавательные бассейны наполнены людьми. В домах также находятся миллионы людей. Кому мы их предоставляем? Различным еретическим сектам? Они идут на улицы, они идут из дома в дом, неся свое ложное учение и делая то, чего не делаем мы, хотя обладаем истинным, фундаментальным учением.

Я не хотел бы оказаться более ленивым, чем члены различных сект. И это не только для того, чтобы церковь пробудилась. Ведь от начала поручение Христа

звучит именно так: «Пойди по дорогам и изгородям...». А это значит, что мы не должны ждать, пока люди сами придут к нам. Они не приходят; они никогда сами не приходили.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Вольфганг Дик был из ряда вон выходящим явлением как для христиан, так и для нехристиан. Там, где он проповедовал, в прессе появлялись критические статьи, а среди христиан возникал переполох. Думаю, можно сказать, что у него было больше друзей среди криминальных элементов, чем среди христиан. Там он находил больше понимания. Он проповедовал и воплощал свое христианство в практической жизни, что в Германии уже давно пришло в забвение. Он призывал к послушанию презренному и распятому Иисусу из Назарета, Который как воскресший и прославленный Господь претендует на жизнь тех, кто называется Его именем.

Многие христиане не могли принять такого рода проповеди. Я сам был свидетелем этого неприятия и протестов, когда впервые присутствовал на его проповеди. Он говорил в доме «Назарет» перед дьяконами и сотрудниками благотворительного учреждения в Бейфелье. После проповеди разгорелась горячая дискуссия. «Так не пойдет»,— слышалось со всех сторон.

Одна из его последних проповедей, на которых я присутствовал, также типична для его служения. Это был евангелизационный вечер в одной из общин Вупперталя. Можно сказать, это мероприятие было своего рода ударом в пустоту, так как, несмотря на большую подготовку, в зале не было никого из тех, кому собирались проповедовать. Слушателями были те, кто уже принадлежал к числу членов общины или называл себя сотрудником. Дик сразу же обратился к ним, призывая реформировать жизнь самих верующих. Несколько раз

руководящий собранием прерывал его, пока наконец и вовсе лишил слова.

Тут начался шум, и тогда Дик собрал свои вещи и сказал сопровождавшим его двум моим друзьям и мне: «Идемте, я покажу вам, где и как нужно евангелизировать!» Мы последовали за ним в одно из самых известных своей дурной славой ночных заведений Вупперталя, где до глубокой ночи благовествовали среди преступников, гомосексуалистов, проституток и прочих элементов подобного рода. Здесь была его стихия. Он один из очень немногих евангелистов, на деле осуществляющих миссионерское поручение Иисуса идти «по дорогам и изгородям». Он неутомимо шел на дискотеки, в ночные клубы, тюрьмы, исправительные учреждения, на улицы и в школы, чтобы проповедовать там благу ю вест ь о спасении во Христе Иисусе.

Своей жертвенностью он подавал пример нам, молодым. Мне приходилось быть свидетелем, как он не час и не два часа в день, но с восьми утра и до полуночи проводил среди людей, беседуя с ними о Христе. Для этого он не жалел времени. Не раз он говорил мне, что не рассчитывает прожить долгую жизнь. Возможно, поэтому он и трудился без отдыха.

Примерно одиннадцать лет своей жизни он провел за решеткой как преступник, а после этого одиннадцать лет был свидетелем Иисуса Христа, Который полностью изменил его жизнь. После проповеднической деятельности в Гамбурге и его окрестностях, о чем рассказывается в этой книге, он был евангелистом в организации «Юность для Христа», а затем в Христианском союзе молодых людей Вупперталя. В последнее время он трудился в Западном отделении Христианского союза молодых людей.

Однако поручение идти и проповедовать дал ему Иисус Христос. Его он любил, для Него жил, проповедовал и приобретал людей – для Него, а не для деноминаций или групп.

Свое последнее евангелизационное служение он проводил в Корбахе. В последний для него вечер беседа продлилась допоздна. Около полуночи Вольфганг Дик вместе с сотрудником выехал в направлении своего дома.

Недалеко от того места, где он жил, произошла авария, о которой на следующий день кратко сообщили по радио, телевидению и в прессе: «Вследствие дорожной катастрофы, произошедшей в эту ночь на трассе 414 между Герборном и Нистер-Морендорфом, погибли евангелист Вольфганг Дик и его двадцатилетний помощник Кристоф Гельц. Их автомобиль наскочил на стоящий справа на дороге грузовик. Оба, пассажир и водитель, погибли на месте происшествия».

Когда 16 февраля 1970 года госпожа Дик, которая в эти дни ожидала рождения их третьего ребенка, сообщила нам эту весть, мы не могли понять путей Божьих. Но с того времени мне стал особенно дорог стих Библии, который можно применить и к жизни Дика: «Живем ли – для Господа живем; умираем ли – для Господа умираем; и потому, живем ли или умираем, – всегда Господни» (Римлянам 14,8).

Бог отозвал Своего вестника, а мы должны продолжать то же самое дело. Дай Господь, чтобы через эту книгу люди услышали призыв к покаянию и полной отдаче Иисусу Христу, Который «возлюбил нас и предал Себя за нас».

Вольфганг Бюне

СОДЕРЖАНИЕ

Обречен на существование?	7
Трудновоспитуемый	11
Послевоенный беспредел	15
Концлагерь в Заксенхаузене	21
Большая свобода оканчивается рабством	25
Самый дорогой костюм в мире	31
Творение без Творца обречено	37
Освобождение	41
Христианин без Христа	47
Во свете Божьем	51
В Божьей школе	55
Как я стал евангелистом	61
На главном вокзале Гамбурга	69
Ищите прежде Царства Божия	79
И евангелисты нуждаются в прощении	83
Отпущенное нам время	87
Послесловие	91

